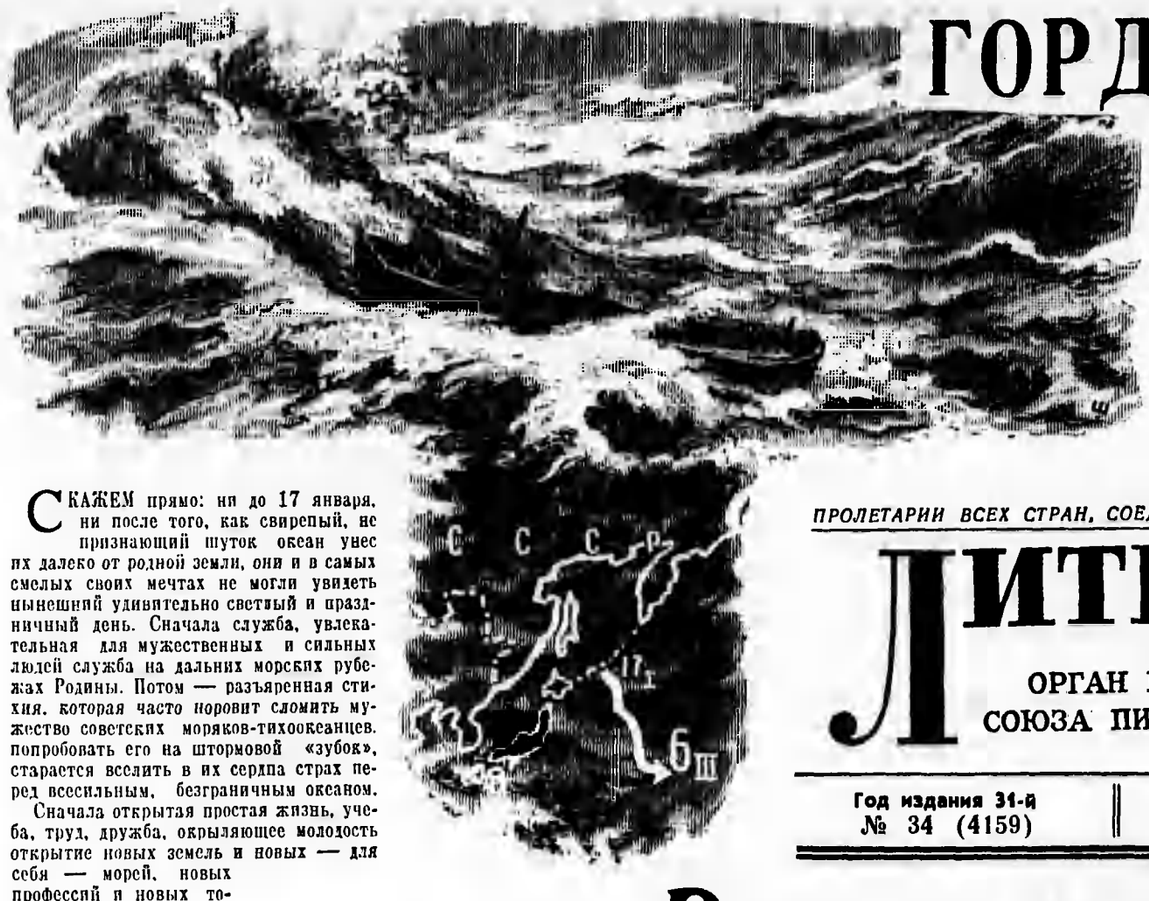

ГОРДИМСЯ И ВОСХИЩАЕМСЯ!

17 марта вечером советские герои дрейфа в Тихом океане прибыли самолетом из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

17 ч. 50 м. по местному времени. Самолет компании «Трансуорлд эйрлайнс» подруливает к зданию нью-йоркского аэропорта Айдлуайлд. Из самолета выходят А. Зиганшин, Ф. Поплавский, И. Федотов, А. Крючковский. Щелкают затворы фотоаппаратов, жужжат кинокамеры. К героям подходят советские товарищи. Военно-морской атташе СССР контр-адмирал Б. Д. Яшин крепко обнимает и целует мужественных солдат. Он поздравляет их с благополучным завершением многодневного героического дрейфа в открытом бурном океане.

Славным советским парням преподносят букеты живых цветов, вручают многочисленные телеграммы от советских людей, в которых выражаются чувства братской любви и восхищение их беспримерным мужеством, стойкостью и выдержкой.

«Мы гордимся вашим героизмом,—пишут студенты Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина.—Вы продемонстрировали перед всем миром высокие волевые качества советской молодежи, беспредельную любовь к Родине. Ваш подвиг является примером стойкости и мужества. Ждем вас у себя».

Прибывшие и встречающие направляются в здание аэропорта.

Здесь в специальной комнате прессы советских юношей вновь осаждают корреспонденты американских телевизионных компаний, газет, телеграфных агентств. Отвечая на их вопросы, И. Федотов говорит: «До самого последнего момента мы не теряли надежды на спасение. Мы сердечно благодарим членов экипажа американского авианосца «Кирсардж» за оказанную нам помощь. С нетерпением ждем возвращения на Родину».

Беседа окончена. Прибывшие направляются к машинам. Героическую четверку тепло приветствуют американцы, находящиеся в здании аэропорта. Фоторепортеры снова и снова просят участников героического дрейфа дать им возможность сделать снимки. Зиганшин, Федотов, Поплавский и Крючковский и встречающие их отправляются на дачу постоянного представительства СССР при ООН в Глен-кове, где герои проведут несколько дней перед возвращением на Родину.

Представители ученого мира Америки продолжают высоко отзываться о беспримерном дрейфе советских воинов в Тихом океане. Видный океанограф д-р Уоррен Вустер, связанный в настоящее время с институтом океанографии Скриппса при Калифорнийском университете в Ла-Холья (Калифорния), в своем заявлении корреспонденту ТАСС выразил восхищение мужеством советских героев. Он сообщил, что знаком с районом, в котором дрейфовали советские солдаты, и знает, что это «довольно неприятная часть океана, особенно в феврале».

Поразительно, сказал он, что советские герои «смогли выдержать все трудности. Их подвиг является прекрасным проявлением выносливости человека».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 34 (4159) | Суббота, 19 марта 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

Все в порядке, хлопцы!

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Дневник писателя

СКАЖЕМ прямо: ни до 17 января, ни после того, как свирепый, не признающий шуток океан унес их далеко от родной земли, они и в самых смелых своих мечтах не могли увидеть нынешний удивительно светлый и праздничный день. Сначала служба, увлекательная для мужественных и сильных людей служба на дальних морских рубежах Родины. Потом — разъяренная стихия, которая часто норовит сломить мужество советских моряков-тихоокеанцев, попробовать его на штормовой «зубок», старается вселить в их сердца страх перед всесильным, безграничным океаном.

Сначала открытая простая жизнь, учеба, труд, дружба, окрыляющее молодость открытие новых земель и новых — для себя — морей, новых профессий и новых товарищей. А потом открытая — открытая неистовству океана! — простая, но неправдоподобно усложнившаяся жизнь, непрерывная изнуряющая борьба с ураганным ветром, леденящей стужей, исполинской волной. И еще более трудная борьба с голодом, с жаждой, с отчаянием, которое можно победить, но которое не может не приходить среди темной штормовой ночи в грозной пустыне океана. Они любили жизнь и не хотели сдаваться.

И все же, я думаю, в самых светлых мечтах они не видели ни небывалого журналистского «десанта» на палубе авианосца «Кирсардж», ни восторженных лиц жителей Сан-Франциско, ни золотых ключей от этого города, в собственных мозолистых, иссеченных тросами, потемневших от стужи и воды руках.

Все это свершилось. В какие-то короткие дни они, ведшие один на один мужественную борьбу со штормовым океаном, с новой силой ощутили себя не только любимыми сыновьями советской Родины, но и клеточкой, частицей мирного человечества, которое радуется их спасению и преклоняется перед их подвигом. И когда они — скромные, измученные стихией, счастливые спасеньем — еще растерянно объясняли журналистам, что ничего особенного не произошло, что «каждый советский солдат на нашем месте сделал бы то же самое», когда им самим еще кажется непривычным и трудновыговариваемое слово **подвиг** применительно к самим себе, через континенты и океан пришли простые, душевные слова поздравления Н. С. Хрущева, в которых дана сжатая, исчерпывающая формула этого подвига:

«Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами».

С тех пор как появилась первая телеграмма о четырех отважных советских солдатах, все с волнением ждали дня, когда газеты напечатают их портреты.

И вот они появились на страницах газет: спокойный, сосредоточенный Асхат Зиганшин, в солдатской ушанке со звездой, неторопливый парень, как свидетельствует корреспондент «Правды», очевидец сан-францисской встречи, мужественный старшина баржи «Т-36»; темноглазый Филипп Поплавский в сбитой набок пилотке; Анатолий Крючковский—живой и пристальный, словно сошедший со звонкого солдатского плаката: Иван Федотов с умным, чуть насмешливым лицом городского паренька... Четыре советских солдата. Бывший тракторист. Бывший строитель. Бывший слесарь сахарного завода на Украине и бывший слесарь-портовик. Бывшие — потому что все они ушли в армию, и теперь они солдаты. В беде мы думали о Родине, сказал Федотов, и вели себя, как подобает советским солдатам. И то, что все они не только солдаты, но и люди труда, мастеровые, со сноровистыми, умелыми руками и изобретательным умом, сыграло немалую роль в их беспримерной борьбе со стихией. Реальный, зримый, кажется, физически ощутимый мир мужества, атмосфера героики и душевности хлынули на нас со страниц газет.

В такие минуты хочется, чтобы каждый читатель — и тот, кто никогда не видел моря, и тот, кто видел только «кроткие» моря или песчаный берег в мягком, ласкающем накате, — хоть немного, хоть отчасти представил бы себе северные широты Тихого океана зимой, в штормовые и даже ураганные дни. Это — стужа, ледяные панцири, одевающие суда, слепящие снежные заряды с короткими интервалами, когда ураганный ветер сдирает с палубных надстроек снег, для того чтобы дать место новому снегу, новому обжигающему заряду. Это стальные тросы, срезанные, как тонкая бечевка, толстые якорные цепи, рвущиеся от напряжения, летящие за борт многотонные грузы. Это водяные валы, которые перемахнули бы через многоэтажный дом, постоянное движение, схлест, толчки, удары, мнущие сталь, сплющивающие железо.

Но одно дело океанские суда большого водоизмещения, превосходной остойчивости, вооруженные локаторами, залитые светом, сытые, переговаривающиеся с материком, и совсем другое — крохотное вспомогательное суденышко, пятнадцатиметровая номерная баржа, с четырьмя человеками команды. И только представив себе всю их несоразмеримость, прямо-таки гулливеровский контраст, можно понять, какие испытания выпали на долю четырех наших солдат.

Вот почему мне хочется вспомнить сегодня и доктора Бомбара, и других смельчаков, пересекавших океаны после тщательной подготовки и преимущественно в южных, близких к тропикам поясах земного шара, и тех советских моряков, чьи подвиги мы уже не раз в прошлом называли беспримерными. В этом нет ни противоречия, ни простого повторения. Оно, это слово, точно определяло подвиг многих героев нашего советского народа, хотя всякий раз этот подвиг был глубоко индивидуален и совершался в неповторимых, своеобычных условиях. Есть, мне думается, эта своеобычность в подвиге четырех.

Невольно приходят на ум герои-моряки с транспорта «Перекоп», о которых дальневосточник В. Кучерявенко написал повесть «Перекоп» ушел на юг», действующие лица талантливой документальной повести И. Кириленко «Плещут холодные волны» и, наконец, недавние совсем герои, моряки с буксирного катера «Ж-257», 82 дня дрейфовавшие в северной части Тихого океана. Славное, бессмертное племя советских моряков!

Теперь—новая страница в этой летописи подвигов и славы. 49 дней невиданной борьбы с силами стихии. Уже можно восстановить главные, узловые этапы этой борьбы, разглядеть этот полный неожиданностей и трагических испытаний трап, по которому двигались отважные солдаты, но двигались не вниз, а вверх, хотя на каждой ступени они лишались последней банки консервов, последней картофелины, последней пригоршни крупы, последней ложки жира, последней капли воды... Если измерять все только физическими усилиями, только простым терпением, только страданиями плоти, то и тогда можно удивляться выдержке и силе людей. Но решало не это, и не это вызвало возглас изумления у прессы, у очевидцев, у жителей Запада.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести короткий диалог между одним из журналистов и младшим сержантом Зиганшиным:

«Я знаю, — сказал журналист, — что в такой обстановке можно потерять человеческий облик, сойти с ума, превратиться в зверей. У вас, конечно, были ссоры, может быть, даже драки из-за последнего куска хлеба, из-за последнего глотка воды».

«За все 49 дней, — спокойно ответил Зиганшин, — члены экипажа не сказали друг другу ни одного грубого слова. Когда кончалась пресная вода, каждый получал по полкружки в день. И ни один не сделал лишнего глотка. Лишь когда мы отмечали день рождения Анатолия Крючковского, мы предложили ему двойную порцию воды, но он отказался».

— В этом аду, — воскликнул журналист, — вы помнили о дне рождения товарища? Это звучит невероятно!..

То, что представляется невероятным, почти неправдоподобным вполне расположенному и искреннему в своем удивлении журналисту, бесконечно близко и понятно всем нам. Так близко, так понятно, так естественно, что тут словно бы не о чем и говорить. Пусть маленький, но коллектив советских людей, спаянных дружбой, которая только крепла в тяжких испытаниях, делалась душевно еще более богатой и, я бы сказал, нежной, — когда твой друг слабеет телом, когда уходят его силы, настоящая дружба непременно становится нежной. Люди, проникнутые высоким, осознанным идеалом солдатского воинского долга, как чего-то глубоко внутреннего, неотделимого от их жизни. Они не могли злобствовать, звереть, ожесточаться друг против друга, а если и могли бы сойти с ума, то не в том смысле, какой имел в виду журналист, а просто потому, что есть предел физическим силам человека.

Мы хорошо помним героев рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни», которых в час испытания разделило золото и эгоизм одного из них. Можно было составить — по жизни и по литературе — поистине бесконечную летопись нравственных падений, убийств, преступлений, совершенных в исключительных условиях, когда, как говорится, на карту поставлена сама жизнь. Были и другие примеры — пусть реже, но они были,—когда люди собственнического, досоциалистического общества проявляли героизм и самопожертвование во имя ближнего. Если бы этого не было, человечество не поднималось бы вверх, не совершенствовалось бы. И все это, по-своему, в слитке, в самородном алмазе подвига обещало будущее справедливое, честное общество, где дружба, подвиг, духовное единство станут нормой, чертами, естественными, как дыхание. Четверо смельчаков с «Т-36» и есть частица такого нового, советского общества.

Каждый юноша, каждая наша девушка, спросив себя, а как бы ты держался в этой схватке, — тут же отвечает себе: точно так же, как Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов. И это ответ честный, искренний, убежденный. Однако между желанием поступить так же, между нравственной готовностью к этому и подвигом лежит бесконечно трудный путь в 49 дней. Его надо пройти. Надо желание претворить в действие. Нравственную готовность сделать реальностью поступков, борьбы, жертв.

Выдающееся значение их подвига состоит еще и в том, что это подвиг четырех из десятков миллионов людей, воспитанных в том же советском характере, в тех же идеалах коллективизма, братства, коммунистической нравственности.

Невольно думаешь и о другом счастливом знамении времени.

Герои В. Кучерявенко и И. Кириленко — жертвы войны. Бомбы и торпеды взорвали и сожгли корпуса судов, на которых они плавали. Это страницы истории, которые не должны повториться. Шестеро на катере «Ж-257» не были жертвами войны — их, так же как и баржу «Т-36», унес в океан шторм. Они тоже хотели жить, мечтали о спасении, и вместе с тем мысль о том, что их подберет **чужой** корабль, тревожила, смущала их сердца, — ведь именно в эту пору, в разгар труменовской «холодной войны», шантажировали и пытали советских моряков на Тайване. Об этом нельзя было не думать.

Но то был год 1954. Теперь 1960-й. Позади огромные усилия сторонников мира, усилия нашей социалистической Родины, и тот поистине достойный восхищения вклад в дело мира и разрядки международной напряженности, который внес своей неутомимой деятельностью Н. С. Хрущев. Вот почему встреча «Т-36» и авианосца «Кирсардж» стала не источником холодной дипломатической переписки, осложнений и недоброжелательства, а новым свидетельством растущей дружбы, взаимопонимания и добрососедства.

Можно начать географическую статью словами: «Тихий океан в своей северной части разделяет два материка...» Но можно написать, не погрешив против истины, что он «соединяет» два материка. Для научного сборника это не так уж и важно, разве что поморщится какой-нибудь педант. Но для народов, для их будущего, для их жизни это не безразлично. Хорошо, чтобы океаны **соединяли**, а не **разъединяли**. И четырем советским солдатам выпало на долю большое счастье — не только победить стихию, совершив подвиг, но и стать как бы аккумуляторами растущей дружбы и взаимопонимания, принять на себя тепло хороших, добрых чувств миллионов людей по обе стороны океана.

Как-то в одном из рабочих клубов Швеции я увидел любопытное определение оптимиста и пессимиста:

«Оптимист тот, кто в любых трудностях видит достойное для себя дело. Пессимист тот, кто в любом деле видит для себя только трудности».

Четверо советских солдат — мужественные, бесстрашные юноши — оказались подлинными оптимистами. Они отлично выражают своим подвигом черты нашего времени, эпоху коммунистического дела, смело преодолевающего все неизбежные трудности.

Они—настоящие сыновья века, и хочется к тексту спокойной радиограммы, которую они посылали в эфир, пока их слышал берег, посылали из взбудораженного штормом океана: «Все в порядке!» — добавить только одно слово: «Все в порядке, хлопцы!»

Все в порядке, в счастливое время вы вышли в свое большое житейское плаванье.

Все в порядке!

ДРУЖБА СИЛЬНЕЙ ОКЕАНА

Словно вольный весенний ветер, весь мир облетела весть о героизме четырех наших воинов, простых советских юношей Зиганшина, Крючковского, Поплавского и Федотова. Эти хорошие ребята и не думали о том, что их имена заполнят страницы сотен газет, зазвучат в эфире над всей планетой. Они скромно и честно исполняли долг армейской службы там, куда их послала Родина,— на далеких Курилах. Глядя на холодные океанские волны, они и не мечтали стать дерзкими «морскими волками».

Зиганшину, наверное, вспоминалось родное Заволжье, а Крючковскому снились белые вишневые сады на Винниччине и моря — но не с холодными волнами, а с золотыми перекатами украинских степей.

Внезапный шторм выбросил их маленькую баржу в океан Об этом океане один мой земляк, приплывший из Одессы в порт Находка, высказался так:

— Що Великий, то великий, а шо Тихий... то хай би його чорти забрали...

И вот с четырьмя ребятами на борту, без запасов пищи и воды понеслась неуправляемая баржа в Великий и Тихий штормовой океан.

Бывалые люди говорят, что в таких трагических случаях моряки, даже располагая пищей и водой, сходят с ума, впадают в отчаянье и погибают. Но наши отважные хлопцы приняли вызов Великого океана, противопоставили его могучей стихии свою волю, веру, неразрывную дружбу, страсть к жизни, любовь к советской Родине — и вышли победителями.

Сорок девять дней продолжался этот неравный бой, сорок девять дней холода, голода и, казалось бы, полной безнадежности... Но четверка героев не сдалась. Из ада ураганной стихии солдаты своей Родины снова возвращаются в строй.

Когда их спросили: что помогло вам одержать эту сказочную победу? — они ответили: крепкая дружба.

Да, очевидно, крепкая дружба советских людей способна преодолеть все. Эта дружба, дружба людей, дружба народов, была душой великих побед в революции, в гражданской войне, в Великой Отечественной войне, во всех победах социализма. Эта дружба решила победу четырех героев над силами стихии.

Слава вам, светлые молодые герои, верные друзья!

Платон ВОРОНЬКО

КИЕВ

Солдаты человечества

Альберт КАН, американский писатель

МОСТ «Золотые ворота» парит наподобие гигантской металлической птицы над сверкающим заливом. Он соединяет окаймленные пеной скалистые берега Марина с мерцающим, как драгоценный камень, красавцем Сан-Франциско. В непрерывном полете сквозь знойные лучи солнца и плывущие туманы его захватывающая дух арка воспринимается, как символ одного из чудес света и величия человека. Прошло уже много времени с тех пор, как человек впервые вознес к небу этот великий мост. Имела ли за все это время его символика более глубокое значение, чем в тот момент, когда под его величественными сводами прошел авианосец США «Кирсардж» с четырьмя советскими солдатами: Зиганшиным, Крючковским, Поплавским и Федотовым на борту? И тогда в самом деле мост стал вечной Триумфальной аркой, славящей победу человека; тогда его огромные стальные тросы представляли собой лавровый венок, наподобие тех, что возлагали древние на головы поэтов и героев.

Во всех уголках мира уже написаны и произнесены миллионы слов о четырех молодых советских героях; бесчисленные миллионы слов будут еще произнесены в грядущие десятилетия. Подвиг четырех молодых людей пленил воображение человечества и стал частью драгоценного наследия всех людей. Иногда в жизни человека наступает момент, в котором сосредоточивается все значение, весь смысл, все благородство его натуры. Такой момент наступил сейчас.

Почему это так? Что именно в подвиге четырех молодых советских граждан пленило воображение народов всего мира и наполнило бесчисленные сердца торжествующей гордостью? Небывалое мужество? Да, отчасти и это. Теперь перед нашим мысленным взором встает образ крохотного суденышка, микроскопического пятнышка на бескрайних просторах Тихого океана. Мы видим, как его швыряют в разные стороны гигантские ледяные волны. День проходит за днем, неделя за неделей—вода и небо, небо и вода... А на маленькой барже четыре парня делятся крошками хлеба и глотками воды, мастерят блесну из консервных банок и лесу из расплетенной веревки, читают друг другу вслух. Они говорят шепотом по мере того, как силы их убывают. Они едят кожу своих сапог...

Ни на мгновение не забывают они дружбу, не теряют способности шутить, не расстаются с надеждой, твердо верят, как выразился один из них, что «мы слишком молоды, чтобы легко сдаться». Да, конечно, их апическое мужество потрясло мир. Но значение этого подвига неизмеримо больше. Своими неуклонными, ни на мгновение не ослабевавшими усилиями эти молодые люди символизировали многовековую борьбу человека за жизнь, полную смысла. Рука помощи, протянутая американскими моряками, символизировала дружбу между народами. В отношениях друг с другом четверо парней являли вдохновляющий пример братства. В их необычайной находчивости проявились безграничные творческие возможности человека. Они не только солдаты Советской Армии, эти четыре парня. Они также — солдаты человечества.

Следует, конечно, сказать, что они представляют собой особый тип человека. Недавно в ответ на вопрос, что произвело на меня наибольшее впечатление во время первой поездки в Советский Союз, я написал что такие чудеса, как семилетний план, многообразные проявления народной культуры, необыкновенные научные и промышленные достижения,— это еще не самое потрясающее, хотя и производит глубокое впечатление. Больше всего меня поразил тот факт, что советское общество создало новый тип человека. По своей любви к жизни, силе и мягкости, по своей стойкости и любви друг к другу, по отваге и скромности, по способности коллективно трудиться и преодолевать, казалось бы, непреодолимые препятствия, по находчивости и благородству Зиганшин, Крючковский, Поплавский и Федотов являются настоящими образцами нового советского человека.

Моя жена, двое сыновей и я, будучи в Москве, испытываем особую радость и удовлетворение при мысли о том, что Зиганшин, Крючковский, Поплавский и Федотов побывали в гостях у жителей Сан-Франциско, города, около которого мы живем и который занимает особое место в наших сердцах. Мы представляем себе, как четырех молодых советских солдат вожат по крутым городским улицам, как они любуются сверкающей панорамой с вершины Русской горы (как удачно подходит название к этому случаю!)... Мы не можем забыть, как во время выпавшего на их долю испытания они читали друг другу автобиографический роман Джека Лондона «Мартин Иден». Наш дом, расположенный на склоне горы среди садов и виноградников Лунной долины, находится по соседству с бывшим ранчо Джека Лондона. Как возрадовался бы Джек Лондон при виде своих советских братьев — живых символов его веры в достоинство и силу человека! Как горда моя семья тем, что они находятся вблизи от нашего дома! Через раскинувшиеся моря, широкие прерии и высокие горы мы протягиваем руки, чтобы обнять их!

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ Родина благодарит отважных.
☆ К визиту Н. С. Хрущева во Францию. Статья А. Вюрмсера.
☆ 65-летие Максима Рыльского.
☆ Ю. Герман: «Каждый обязан всеми силами помогать споткнувшемуся».
☆ На звание чемпиона мира.
☆ Обнаружены неизвестные письма Чехова.
☆ Отрывок из новой пьесы Николая Погодина.

В ЦК КПСС и Совете Министров СССР

ЦК КПСС и Совет Министров СССР установили, что Ленинские премии, наряду с научными работами, изобретениями, произведениями литературы и искусства, присуждаются также за выдающиеся работы в области журналистики и публицистики.

Советский военно-морской атташе в США контр-адмирал Б. Д. Яшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский, А. Зиганшин, И. Федотов в нью-йоркском аэропорту.
Снимок принят по фототелеграфу

ВОТ ОНА, ЯКУТИЯ

Солнце всходит!.. Начинается день, обычный день Советской страны. Вот встречает восход солнца Василий Ягловский — бригадир пастухов-оленеводов колымского колхоза «Турвургын». Он сзывает оленей. Таежную тишину, безмолвие снежного края нарушает дробный перестук копыт — послушные воле хозяина олени спешат на его зов.

На нижем фото — Ефрем Пиляургин. Это очень юный оленевод. Ему всего лишь пять лет. Но он уже сам запрягает оленя и, судя по его степенному виду, дело это для него привычное. Да и сам олень, сразу видно, признает его своим хозяином. Быть Ефрему пастухом, таким, как Василий Ягловский, замечательный мастер оленеводства. Такие люди, как этот колхозный бригадир, — слава и гордость Якутии. Есть у кого учиться юному оленеводу!

Фото А. Лидова

Не верьте Коркушко!

Юрий ГЕРМАН

Он пришел ко мне утром, «по делу, не терпящему отлагательства более для меня, нежели для себя», как выразился он по телефону.

Розовый с холоду, бодрый, оживленный, он энергично снял добротную, хорошо сшитую шубу на хорьках, аккуратно повесил боярскую шапку с бобром и бархатом и представился:

— Коркушко.

А садясь, осведомился:

— Значит, пишем? Творим, так сказать?

— Так вот... в некотором роде...

— С жизнью связаны?

Смотрел Коркушко строго и, видимо, торопился.

— Здесь! — он погладил аккуратной ладонью хорошей кожи портфель. — Здесь имеется первоклассный материал. Если возьметесь оформить и подадите в печати от своего имени, многие будут довольны. Многим будет полезно и во времени, знаете ли. Поскольку намечается такая тенденция в отношении взятия на поруки и товарищеских судов...

— Какая тенденция? — поинтересовался я.

— В сторону что ли некоторого, имевшего место перебора. Уже кое-кто совершенно справедливо высказывается в смысле разумной осторожности. И материал мой...

Он полез в портфель.

— Подождите! — попросил я. — Вы сами свой материал куда-либо давали?

— Мне, видите ли, неудобно.

— Отчего так?

— Ко мне отношение заранее предвзятое и несправедливое. Один сигнал мой, поданный много лет тому назад в некоторые органы, оказался неточным, и с тех пор мне не доверяют... Позвольте, я вам накоротке доложу суть дела, и вы, конечно, заинтересуетесь...

— Я нынче занят...

Но Коркушко не посчитался с моей занятостью. Быстрым говорком он пожаловался, что отдают нынче на поруки с легкостью, которая есть не что иное, как бюрократизм, отдают, только бы поставить «птичку», нисколько не считаясь, что «за птичкой может находиться преступник, опасный для нашего светлого общества».

— Не на поруки его нужно брать, — говорил Коркушко, — а гноить в тюрьме пожизненно, чтобы не мешал нам в нашем строительстве. О нем, о негодяе, родная мамочка должна позабыть, и ей административно должны запретить всякие хлопоты, чтобы этот выродок не стоял на пути наших достижений. Человек, о котором я вам рассказываю, мне с детства известен. Наблюдая в свое время его шумные игры и хулиганские выкрики, я утверждал — растет бандит. С рыбалки и на рыбалку шествует весь расхристанный, меня, человека, у которого он квартирует, никогда не поприветствует...

— А вы сдаете квартиры? — поинтересовался я.

— У меня дачка.

— Значит, этот самый, как вы говорите, «бандит» — не квартирант у вас, а дачник?

— Не совсем. Дачка моя зимняя.

— Значит, живет он у вас только зимой?

— Нет, почему же. И зимой, и летом. Его мать меня умолила...

— И больше у вас никто не живет?

— Еще один товарищ живет, по дружбе, так сказать...

— Огородик у вас, садик, хозяйство?

Мои вопросы Коркушко не нравились.

— Это все не имеет значения, — сказал он. — Ваше дело воспользоваться моим материалом для нашей родной печати или не воспользоваться. Если факты вы берете, то точный материал, мною изложенный в хронологическом порядке, я вам оставлю. Нет — разойдемся. Итак — продолжаю. Фамилия Сомин. На поверку — бандит за рулем. Недавно обнаружен весь в крови, грузовик под откосом, разбит, Сомин — пьян в стельку. Хорошо еще, что никого не убил. Простить, взять на поруки, следующий акт драмы — убьет своим автомобилем ребенка. Но его берут на поруки. И против этого искривления нашей линии я борюсь. Против этого очковтирательства и направлен мой материал. Но, предупреждаю, нужно крепко ударить. Беретесь?

— Нет.

— Почему же?

— Не могу вам точно объяснить, — сказал я. — Но не берусь. Что-то душа не лежит.

— Душа? — усмехнулся Коркушко, вставая. — Советский писатель, а мистику разводите! Плохо с вами проводят воспитательскую работу!

Я молча ждал, покуда Коркушко оденется.

В дверях мой гость сказал:

— В преступлении, которое совершит Сомин, взятый на поруки, будете виновны и вы. Я позабочусь о том, чтобы напомнить, как общественность в моем лице обращалась к вам и встретила стену холодного равнодушия. Но я — предупреждал!

Аккуратный Коркушко ушел.

«Предупреждал, говорил, обращался!»

Да, бывает, что срываются и люди, взятые на поруки. Но известно ли нам подробно, какую жизнь они прожили, до каких низов опустились, кто, как и где формировал их нравственные начала, откуда узнали они, что плохо и что хорошо? Отчего во второй раз сорвался человек?

Как тянули, как помогали, как растили его поручители?

Или ограничились одним только юридическим оформлением поручительства?

А с человеком, споткнувшимся в жизни, трудновато порою приходится. Это характеры нелегкие, с такими, разумеется, намучаешься. Но огромных масштабов общегосударственное дело, успешно поднятое Советским Союзом, — не легкое дело. Тут душеспасительными беседами не отделаешься, и аккуратным людям с чиновничьим складом души браться за поручительство не следует. Не разобраться им будет, что к чему.

Хорошо помню — не разрешили мне дружить с нехорошим мальчиком Толей Волковым. Толя говорил слова, которые действительно не следует говорить хорошим детям. Толя свистел в два пальца, как разбойник, и, по слухам, даже съел поджаренную на костре лягушку. И учился Толя плохо. Я тоже учился плохо, и почему-то считалось, что на меня дурно влияет именно Толя...

Зато очень поощрялась моя дружба с аккуратным отличником Колей, назовем его Захаровым. Коля был очень вежливый мальчик, хорошо шаркал ножкой, спрашивал у всех родителей про их здоровье и рассказывал про свое.

Однажды я провалился под лед. Коля Захаров видел, что я вот-вот утону, и убежал, чтобы не отвечать за то, как я утонул. А выгнанный из нашей школы за действительно дурной поступок Толя Волков на животе, ящерицей пополз ко мне, выволок меня, сказал фразу, которую не следует говорить хорошим мальчикам, высморкался в два пальца, чего тоже не делают отличники, и исчез...

И никто не поверил, что спас меня плохой мальчик Толя. Все почему-то считали, что он выполнял только техническую сторону дела, а руководил хороший Коля. Коля, разумеется, постарался, чтобы никто не узнал, как он исчез, а Толе было все равно, кто спас.

Коля жив и здоров. Я видел его в Москве, он сидел на бульваре, дышал воздухом, листал журнал «Крокодил». Про Толю он выразился в том смысле, что тот погиб неудачником.

— Это как? — не понял я.

— Да в войну! Что-то там разминировал и на чем-то подорвался. Глупая смерть...

Мне стало тошно, и видеть воспитанного Колю больше не хотелось.

То, что я рассказал, наверное, в высшей степени непедагогично, но с этим последним вопросом вообще не все всем ясно.

Известно, что за рубежом в буржуазных учебных заведениях существуют педагоги, которые считают доносчика-ребенка образцом будущего гражданина.

Надо ли говорить, как глубоко чужды нам эти «педагогические» теоринки. Однако нет-нет, а формализм в воспитании дает себя знать.

В сложных жизненных переплетах пай-мальчики, энергично популяризируемые Детгизом, «не срабатывают», случается. А из бяк-шалунов иногда вырастают подлинные герои. Кстати, в жизнеописаниях крупных людей мы зачастую очень «зализываем» их детство. Имеет ли это смысл?

Живет в Москве комиссар милиции в отставке Иван Васильевич Бодунов — человек весьма примечательного ума и наблюдательности. В его лексиконе слова «парень ершистый» означают похвалу. С такими «ершистыми» людьми он всю свою жизнь имел дело, и не один из них благодарен «сыщику» Бодунову за то, что стал человеком. Вот один из многочисленных примеров.

Помню, в тридцатые годы повез меня Бодунов к заместителю директора одного из крупных заводов, человеку одаренному, кончившему Промакадемию. Хорошо помню отличную, веселую семью, мир в доме, пироги, радушную, ласковую хозяйку, статного, с бровями вразлет красавца хозяина.

Отужинали, поговорили.

На обратном пути Иван Васильевич, взяв с меня слово забыть до времени о нынешнем нашем разговоре, осведомился:

— Понравилось в гостях?

— Очень.

— А и ершистый был паренек — замдиректора нынешний.

— Вы его давно знаете?

— Большой в прошлом вор! Попил он из меня кровушки, пока в люди вылезал.

И рассказал, какую он — Иван Васильевич — сделал ставку на этого человека, как он сражался за него с ним же самим, какие неприятности были из-за этого «крестничка» с его срывами, как казенные души всячески пытались убедить Ивана Васильевича в том, что ничего и никогда у него не получится с его «подшефным».

Но «получилось».

Через несколько лет я узнал продолжение этой истории. В дни Великой Отечественной войны «подшефный» Ивана Васильевича командовал танковым соединением и имел звание подполковника. Под Кенигсбергом Александр Семенович Вершов погиб, сгорел в танке. Погиб он, защищая Родину-мать, ту Родину, которую возвратил ему — вожаку беспризорных, вору — старый коммунист-чекист Бодунов, поверив в Вершова, отдав ему часть своей души, внушив ему те понятия о смысле и красоте человеческой жизни, которыми обладал он.

Рыхлые, ленивые, вялые поручители, конечно, не в состоянии проделать ту титаническую работу, которую проделал Иван Васильевич Бодунов, входя во все перипетии сложной душевной жизни ныне покойного Вершова, когда тот еще не вернул себе свою настоящую фамилию, а звался то Бандурой, то Бровачом, то еще семью кличками. Поручительство — это работа, труд, деятельность, а не роспись с завитушкой на бумаге, и здесь необходим совет человека или людей, опытных в человековедении. А разве мало у нас опытных в этой науке людей? Мало отставных офицеров и политработников нашей армии, умевших в «дыму сражений» найти, что называется, «подход» к человеческой душе? И одаренный адвокат, и опытный работник прокуратуры, и старый учитель — все, кто обладает даром умения вести сердечную беседу, кто не оперирует только прописными истинами, а понимает, что люди разные и подход к ним должен быть разным, — все могут и должны помочь и, конечно, не откажут в помощи деятельным поручителям.

Если коллектив людей поручается за провинившегося человека, то ему, коллективу, должно быть хорошо известно, что провинившийся — не зайчик-вегетарианец. Весьма вероятно, с ним будет не легко, с этим провинившимся. И поэтому все члены коллектива, каждый порознь, должны действовать еще и индивидуально. Отлично эту мысль выразил один из работников Ленинградского управления милиции Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев, выговаривая поручителю из «разочарованных»:

— Ах, вы не удовлетворены? Нет, так не выйдет, дорогой товарищ! Поручились, позовите его вечером в гости — он же одинокий, а великим писателем сказано: «Надо же человеку куда-то пойти!» В кино пригласите его. Не забудьте его, ежели у вас в доме семейный праздник, на рыбалку прихватите, тогда и будет гвардейский порядок...

Верные слова!

Поручитель должен стать тому, за которого он поручился, тем всегда необходимым другом и советчиком, каким был Бодунов своему Вершову. Как-то тот позвонил Ивану Васильевичу домой после двух часов ночи и сказал примерно такую сердитую фразу:

— Гражданин начальник, где это вы пропадаете, что я вас весь вечер найти не могу! Прошу разъяснить: имею я право жениться на хорошей девушке из трудящейся семьи при моем кошмарном прошлом, и можете ли вы за меня поручиться, что я с моей нервностью больше не упаду на дно?

— Профессия у тебя была нервная, — разъяснил не без юмора Бодунов. — И охраны труда никакой. Теперь про это забудь, человек ты приличный, токарь, и еще деталь: я тебе не «гражданин начальник», а пожизненно Иван Васильевич.

Про полковника милиции в отставке, проживающего в Ленинграде Виктора Павловича Бычкова, мне рассказывали, что много лет тому назад он привел в свою семью «на временное проживание» трудного гостя, в свое время обиженного судьбой человека, скатившегося к преступлениям. И человек этот отогрелся душой в семье сыщика, который его поймал и арестовал. Жизнь «споткнувшегося» открылась ему теперь не с черного хода, он поверил в людей, в справедливость, в возможность собственного нравственного возрождения.

Полковник Бычков совершенно не был повинен в той тяжелой обиде, которая поломала семью его старого «жильца». Но коммунист Бычков взял на себя ответственность за последствия горького недоразумения, происшедшего в нашем обществе, и тем самым выправил путь человеку, который мог сорваться куда тяжелее, чем уже сорвался. Вот эта личная ответственность каждого в коллективе и есть, как мне кажется, самое главное в поручительстве.

Пусть же не пугают нас частности в прекрасном деле возвращения человека обществу. Не имеем мы права пугаться. Жизнь — сложная штука, наклейкой на людей этикеток не отделаешься. Не все отличники непременно впоследствии становятся отличными гражданами, и не все нехорошие мальчики непременно становятся преступниками. Кстати, вернемся к удостоившему меня своим посещением Коркушко. Историю с шофером Соминым я проверил у знакомого майора милиции. История поучительная: Святогор Сомин действительно был пьян, но только не за рулем. Встречная машина, шедшая по осевой линии шоссе, ослепила фарами Сомина, он свернул и слетел с откоса. Произошло это вечером, в сильный мороз. Ночью Сомин очнулся и пополз наверх, на шоссе. Но вспомнил, что в кузове ценный казенный груз. Сознание его опять замутилось, он зарылся в снег и добедовал до рассвета, возле груза. Утром серая «Победа» остановилась на шоссе, и неизвестный человек попытался вытащить Сомина и оказать ему посильную помощь. Сомин не пожелал оставить казенное имущество и лишь попросил прислать за ним товарищей по гаражу и кран, чтобы вытащить грузовик. Человек из «Победы» оставил Святогору ватник, булочку-слойку и налил кружку водки. Естественно, Сомина разобрало от этой кружки. Номера «Победы» он, понятно, не запомнил, не запомнили его и товарищи по работе. Началось следствие, и тут встрял некто Коркушко, уверяя, что его жильцу, который, кстати сказать, не раз публично возмущался спекулянтским размахом дачевладельца Коркушко, нельзя верить, потому что Святогор — с детства неаккуратный, плохой мальчик. Товарищи Святогора заявили Коркушко, что если суд и осудит Сомина, то они возьмут его на поруки, а машину во внеурочное время отремонтируют. Суд не состоялся. Дело было прекращено, так как водитель серой «Победы» сообразил, какую медвежью услугу он оказал Святогору кружкой водки. Водитель «Победы» заехал (не пропадать же ватнику!), но пожелал остаться неизвестным, потому что путевка его не была «оформлена» на этот маршрут, да и то, что он угостил Святогора «московской», могло, по его словам, оказаться «ложновоспринятым».

Так-то, гражданин Коркушко!

Видите, сколько хороших людей вы хотели оболгать, чтобы свести счеты со Святогором Соминым, и во имя чего? Во имя страха за вашу собственность!

Вера в человека товарищей Сомина победила. Их поручительство не состоялось, но они были готовы к нему, потому что знали: Святогор не мог совершить преступление, он мог только ошибиться. Парень он, конечно, ершистый, трудновато бывает с ним, но честный. Замерзал, а имущество казенное не кинул.

Не просто тут все. Конечно, хорошо, когда в одном человеке соединяются и благовоспитанность, и широта сердца. Но ведь в жизни, как говорится, бывают еще и «неувязки».

Кстати, многим из нас известны случаи, когда мы сами повинны в бедах споткнувшихся, потому что, имея многие возможности, ленимся вовремя делом помочь тому или иному человеку, считая почему-то такого рода работу чем-то вроде «частной благотворительности».

Каждый из нас обязан всеми силами помогать споткнувшемуся человеку.

И примером всем пусть будет Никита Сергеевич Хрущев, нашедший возможным среди грандиозного обилия государственных дел заняться судьбой споткнувшегося человека не только лично, но и поднял на эту деятельность энергию всего нашего многомиллионного Советского Союза.

Владимир СОСЮРА

Полвека поэтического творчества

Под гром орудий гражданской войны, когда в золотой ржи Украины вставали гигантские черные столбы земли, поднятой взрывами, я впервые познакомился с нежной лирикой Максима Рыльского.

И гремела она в моей душе громче орудий, бьющих раскаленным металлом по цепям бойцов, которые сражались за счастье народа.

Вот и сейчас звучат во мне эти строки:

Яблука доспіли, яблука червоні!
Ми з тобою йдемо стежкою в саду.
Ти мене, кохана, проведеш до поля;
Я піду — і, може, більше не прийду.

А особенно:

Поцілуй востаннє, обніми востаннє.
Вмре розставатись той, хто вмів любить.

Почему же так взволновало меня это стихотворение? Потому, что оно человечно. А мы сражались за все человеческое.

Когда отгремели фронты и мы сменили винтовки на станки, плуги, рейсфедеры и перья, я глубже познакомился с чудесной, мудрой и нежной лирикой Рыльского и навсегда полюбил его как поэта и человека.

Еще я люблю Рыльского как переводчика.

Есть наслаждение в процессе создания, а есть наслаждение, когда читаешь созданное другим. С таким чувством — от первой до последней строчки — я прочел вдохновенный перевод М. Рыльского «Пана Тадеуша» А. Мицкевича. Простите меня за аналогию, но я считаю, что Рыльский это наш Жуковский — бессмертный переводчик Гомера и Шиллера.

Максим Рыльский неразрывно связан своим творчеством с народом, которому отдал свое доброе, чуткое сердце.

Есть такие поэты — их понимаешь не по частям, а целиком, настолько полно их творчество входит в твою душу и облагораживает ее, поднимает тебя к звездам, и ты хочешь стать лучше, еще и еще лучше, чтобы быть достойным духовной красоты твоего народа.

Максиму Фаддеевичу Рыльскому сегодня исполняется 65 лет. Полвека поэтического творчества. Пятьдесят лет жизни, отданной народу.

Я, а вместе со мной и миллионы читателей желаем нашему Рыльскому — еще долго, долго ходить по золотой земле Украины, петь с великой любовью к советским людям, петь о них и для них.

Максим РЫЛЬСКИЙ

ИЗ ЦИКЛА «РИО-де-ЖАНЕЙРО»

Вчера смотрел я на созвездье
Южный Крест,
Которого у нас совсем не видно, —
И в общем ничего не ощутил.
Астрономические завязались споры,
Я в них участвовал довольно робко
(Хоть о Галактике пробормотал
Нечто невнятное), — и только сердце
сжалось
При мысли о гигантских расстояньях,
С такою легкостью преодоленных
нами...

И вспомнилось, что мой отец когда-то,
Коль выезжал в село Кривое в гости
К Юркевичу, — за двадцать
километров,
А может, верст, — то в Белках
остановку
Он делал, там знакомый был
корчмарь.
Ведь следовало коням попастись,
А путешественникам пропустить
по чарке
И щукой закусить, той самой щукой,
Что мастерски готовила хозяйка.

А что, коль молодая стюардесса,
Которая радушно угощала
Нас сандвичами легкими, портвейном
(Питанье входит в плату за билет,
Как вообще все здесь на самолете,
Включая и улыбку стюардессы), —
Что, коль она — ну, правнучка,
допустим,
Давно схороненного Юдки —
корчмаря?
Ведь это все не так уж невозможно!

Над океаном пастбищ не найти,
И океана самого не видно
С таких высот, лишь только горы туч,
То снежных, то седых или лазурных,
И вообще — лети себе, лети,
Пока светящиеся буквы «no smoking» *
И «привяжись» — не известят, что
мы
В каком-то месте скоро приземлимся.

Отец мой даже слов таких не знал,
Как стюардесса, а прогулка в небе
Ему во сне бы даже не приснилась,
Хотя Жюль Верна все же он читал.

Но вовсе не об этом речь идет.
Разглядывал я Крест вот этот
Южный,
Смотрел на воду, на поток авто,
Которые летят вдоль побережья,
И понял вдруг: хотя совсем далеко
Мой край родной, мои родные люди,
Друзья, и дети, и моя работа,
И сад, что я с женою посадил,
А все же — это на одной планете,
И был бы голос у меня — так
долетел
Он до Романовки, Кривого, Белок...
Да! Все живем мы — на одной
земле!

Перевел с украинского В. ГРИГОРЬЕВ

* Не курить (англ.)

ИЗ КНИГИ «ГОЛОСЕЕВСКАЯ ОСЕНЬ»

***

У Верлена есть стихотворенье,
Где себя же самого певец
Спрашивает в миг разуверенья:
— Что же сделал с жизнью ты,
глупец?!

Только б не такой вопрос жестокий
Был начертан на небе вдали
В час, когда затлеет одинокий
Остров тучки на краю земли,

В час, когда, синея, стынут воды,
Голубее льда стекло окна,
Что-то шепчут сумерки у входа,
Вторит им глухая тишина...

Как пылает светлый лист кленовый!
Город вдалеке шумит опять!
Нет! Верлена строчкою суровой
Не хочу я вечер свой встречать!

***

Свод небесный синий,
Синий, да не тот...
Я. Щеголев

Почернела гладь воды в озерах
И яснее сделалась притом.
Нежен листьев падающих шорох,
Тянет легким утренним дымком.

В окна вставили вторые рамы,
Вата и калина между рам,
Где-то детвора играет гаммы
И звонит синица школярам.

Лес, как на гравюре Хокусая,
Старым, темным золотом цветет,
И, по-щеголевски нависая,
Свод синеет — «синий, да не тот».

Мы в пучок цветов остатки свяжем,
Тех, что я привык «морозом» звать...
Можно иногда сказать пейзажем
То, о чем словами не сказать.

Перевела Вера ЗВЯГИНЦЕВА

СТАРТ

НА ПЕРВЕНСТВО МИРА

Представьте себе, что все советские шахматисты — а их миллионы — были бы приглашены на плебисцит по одному-единственному вопросу: кто с кем должен играть матч на мировое первенство?

Можно сказать с уверенностью, что 99,9 процента от общего числа голосующих высказались бы единодушно: играть матч должны Ботвинник и Таль.

Ботвинник и Таль! И никто другой!

В партиях Ботвинника дебют всегда органически слит с миттельшпилем, а иногда — даже с эндшпилем. С самого первого хода дебют для него не «вариант», а система. Таких систем у Ботвинника множество, и угодить в такую систему — значит проиграть. Затем, Ботвинник знаменит удивительной глубиной и точностью своего анализа. В анализе ему нет равных.

В чем же тогда контршансы Таля? Могут ли вообще быть на свете силы, дающие надежду на успех в единоборстве с Ботвинником?

Да, у Таля есть такой шанс, и называется он очень просто — талантом. Как много сложных понятий скрывается за этим словом! Здесь и феноменальная интуиция Таля, и его невероятно далекий расчет, и безграничная находчивость, и великолепные качества бойца. Он будет стараться завлечь чемпиона мира в джунгли необозримых осложнений и заставить его считать, считать без конца... Если это ему удастся, задача будет наполовину решена.

Дорогие товарищи болельщики! Нам с вами повезло. Мы будем присутствовать при исторической схватке, самой интересной, какую только можно было придумать... Тише!.. Занавес поднимается...

Все это я написал накануне начала матча. Дописываю свои заметки теперь. В первой партии занавес поднялся... и опустился слишком быстро: уже на 32-м ходу чемпион мира остановил часы и поздравил Таля с победой.

Я оказался плохим пророком? Возможно. Я не угадал одного: что Ботвинник с такой яростью начнет играть на выигрыш черными в первой же партии матча. У Таля есть дурная привычка — он часто проигрывает в первом туре. Видимо, чемпион мира решил использовать этот момент. Играя черными, он отважно избрал вариант, ведущий к чрезвычайно острой игре. Материальное равновесие в нем нарушается с первых ходов, начинается необозримо запутанная, сложнейшая игра.

Так случилось и в первой партии: Ботвинник пожертвовал две пешки за атаку, стремясь побить Таля его же оружием. На доске завертелась невероятная карусель, и создатель ее сам оказался в цейтноте. Чтобы найти первопричину проигрыша черных, нужны недели (а может быть, и годы!) детального анализа. Однако за доской Таль хладнокровно разобрался в положении и несколькими сильными ударами форсировал победу.

С точки зрения творческой, смелостью чемпиона мира можно только восхищаться; с точки зрения чисто спортивной, выбор дебюта в первой партии нельзя назвать удачным. Ботвинник сам создал позицию, в которой Таль чувствовал себя, как рыба в воде.

Мне думается, для чемпиона мира практичнее было бы стремиться к замкнутой, маневренной игре, построенной на позиционных нюансах.

Ботвинник обманул мои ожидания и добровольно ринулся в запутаннейшую тактическую борьбу. Он проиграл, но зрители выиграли. Однако если и в дальнейшем чемпион мира будет продолжать ставить партии так азартно и безрассудно смело, как первую, позавидовать ему будет трудно: в головоломной, тактической борьбе Таля ему не переиграть.

Вторую партию матча чемпион мира играл чрезвычайно осторожно, быть может, даже чересчур... После спокойно разыгранного дебюта белые сохранили небольшой перевес в пространстве и умело увеличили его. Затем Ботвинник отклонил предложенную Талем ничью. Однако когда потребовалось играть более энергично, Ботвинник несколько замешкался, и Таль мгновенно уравнял шансы. На сорок пятом ходу противники согласились на ничью.

Впереди третья партия. Первый ход Таля сомнений не вызывает, но как ответит Ботвинник? Повторится французская защита, или, потерпев поражение в первой партии, чемпион мира предпочтет менее рискованную? Подождем до вечера...

Евг. ЗАГОРЯНСКИЙ

То тишина — весь зал
затих, —
То гул тревожный в зале...
Давно конфликтов мы таких
На сцене не видали.

Какой накал и взрыв
страстей!
Отличная премьера!
Для драматургов наших
дней
Нет лучшего примера.

Н. РАЗГОВОРОВ

ДРАГОЦЕННАЯ НАХОДКА

Корней ЧУКОВСКИЙ

СЕГОДНЯ у меня большая радость: нежданно-негаданно на моем столе появились новые письма Чехова, до сей поры никому не известные.

Естественно, мне хочется возможно скорее поделиться своей радостью с читателем.

Адресованы письма одному журналисту, постоянно проживавшему в Париже, Ивану Яковлевичу Павловскому, сотруднику русских и французских изданий (1853—1924).

Биография у этого Павловского была не совсем заурядная. В ранней юности студентом Медицинской академии он был привлечен к суду по громкому «процессу 193». Суд оправдал его, но полиция выслала административным порядком в Пинегу. Ему удалось бежать. Он благополучно добрался до Америки, откуда вскоре переселился в Италию. Переехав из Рима в Париж, он привез с собою небольшую статью «В одиночном заключении» с эффектным подзаголовком «Впечатления одного нигилиста». К этой статье, где он довольно благодушно рассказывает о своем пребывании в Петропавловской крепости, написал небольшое предисловие Тургенев, благодаря чему статья была напечатана в одной из самых распространенных парижских газет («Le Temps»).

Прошло еще несколько лет. Революционный «нигилизм» Павловского малопомалу выветрился, и в 1884 году бывший подпольщик становится парижским корреспондентом суворинского «Нового времени», которое, впрочем, еще не было тогда тем черносотенным органом, каким оно стало впоследствии.

Здесь Павловский нашел свою тихую пристань. Лет пятнадцать он мирно сотрудничал в газете Суворина (под псевдонимом И. Яковлев). Но вот в девяностых годах в Париже возникает «дело Дрейфуса», сфабрикованное французской военщиной, и у Павловского—Яковлева впервые начинаются разногласия с редакцией «Нового времени». Суворин стал, наперекор очевидности, изображать в своей газете невинно осужденного Дрейфуса шпионом и предателем родины. И, конечно, ему было крайне желательно, чтобы Павловский как парижский сотрудник газеты поддерживал в своих корреспонденциях эту реакционную ложь. Но Павловский, уверенный в невиновности Дрейфуса, отказался выполнить желание Суворина, и был такой, очень недолгий период, когда он заявлял, что скорее уйдет из редакции, чем станет искажать и подтасовывать факты.

Своей угрозы он не привел в исполнение. В конце концов конфликт был улажен к полному удовольствию обеих сторон: редакция нашла других сотрудников, поставлявших ей из Парижа клеветнические измышления о Дрейфусе, а Павловскому было предоставлено право печатать на тех же столбцах корреспонденции из того же Парижа на нейтральные, академически спокойные темы.

Но среди знакомых Павловского нашелся один человек, который искренне поверил, что тот намерен ценою каких угодно лишений и жертв героически отстаивать свои убеждения.

Этим человеком был Чехов.

С Павловским он встречался еще в детстве: Павловский — уроженец Таганрога. Когда Чехову было девять лет, Павловский шестнадцатилетним подростком жил «на полном пансионе» в семье Чехова. Особенной близости между ними не было ни тогда, ни впоследствии. Сблизило их «дело Дрейфуса». Чехов, как известно, был горячо взволнован этим делом, и злобные выходки «Нового времени» глубоко возмущали его.

Как теперь выясняется из новонайденных писем (от 2 и 10 мая 1898 года), Чехов при всей своей нелюбви к публичности решил было выступить в парижской печати с протестом против обвинителей Дрейфуса. Для этой цели Антон Павлович встретился, при содействии Павловского, со своим знакомым публицистом Бернардом Лазаром, страстным защитником Дрейфуса, и дал ему интервью для французских газет, текст которого, к сожалению, не появился в печати: когда Чехову показали репортерскую запись беседы, он нашел в ней слишком много отсебятин.

«В начале еще ничего — писал Чехов, — но середина и конец совсем не то... и план и цели нашей беседы были совсем иные».

Узнав от Павловского, что тот намерен порвать с «Новым временем», Чехов писал ему из Ялты 20 октября 1898 года:

«Вам нужно набраться терпения; по всей вероятности придется пережить Вам еще немало сюрпризов. У каждого человека в жизни бывает темная полоса, такая полоса и у Вас теперь. Но все обойдется рано или поздно, только крепко держитесь своей линии и не уступайте».

И, конечно, Чехов не был бы Чеховым, если бы ограничился одними советами. С обычной своей энергией он стал помогать Павловскому уйти из черносотенной газеты и примкнуть к прогрессивному лагерю.

«...если примирение не состоится, — писал он ему из Ялты 18 декабря 1898 года, — имейте в виду, что один из издателей московского «Курьера» просил меня написать Вам, что он, «Курьер», будет рад Вашему сотрудничеству. Это еще скромная, но уже подающая солидные надежды, вполне порядочная, либеральная газета, конкурирующая с «Русскими ведомостями»... Да и кроме «Курьера» найдутся газеты, которые подхватят Вас и не дадут Вам провести и один месяц без дела».

«Курьер» был прогрессивной московской газетой. В ней печаталась литературная молодежь того времени: Серафимович, Телешов, Леонид Андреев, Вересаев, Луначарский. Одним из ее сотрудников был В. П. Потемкин (при Советской власти — нарком просвещения).

В следующем письме — от 21 января 1899 года—Чехов дает развернутую характеристику газеты «Курьер»:

«...Я могу поручиться, что «Курьер» совершенно порядочная, чистая газета; ее ведут и работают в ней хотя и не особенно талантливые, иногда даже наивные (с газетно-издательской точки зрения), но вполне порядочные, умные и доброжелательные люди. О будущем газеты нельзя сказать ничего определенного, так как она может быть прихлопнута, как и всякая другая газета. Настоящее же не дурно, подписчиков уже много и пайщики взирают на будущее бодро, с упованием. О том, что было бы не дурно пригласить Вас, говорил мне один из самых видных членов редакции, некий Коновицер, тот самый, которого Вы видели в Васькине (большой пруд), когда ехали ко мне в Мелихово. Он учился в Таганрогской гимназии. Я думаю, что Ваше сотрудничество для «Курьера» было бы просто находкой. Вам же прежде, чем решаться, надо подумать, т. е. познакомиться и с газетой, и с ее хозяевами, и столковаться с ними лично. Я напишу завтра Коновицеру (конечно конфиденциально), он поговорит со своей редакцией, ответит мне; его ответ я пришлю Вам — и тогда приезжайте в Москву. Я напишу также, что до окончательного решения Вы желали бы писать корреспонденции под псевдонимом».

Но Павловского не соблазняло сотрудничество в столь шаткой газете, которую власти могли каждую минуту «прихлопнуть». К тому же «Курьер» не мог платить ему такой большой гонорар, какой он получал у Суворина. Он продолжал работать в «Новом времени», очевидно, надеясь, что Суворин одумается и вернет своей газете утраченную ею популярность. Чехов счел нужным уверить Павловского, что подобные надежды напрасны:

«Бойкотирование «Нового времени» продолжается, — писал он ему из Москвы 5 мая 1899 года, — в редакции уныние. Но все это ни к чему, все бесполезно, так как «Новое время» продолжает гнуть свою линию и будет гнуть. Я недавно послал Суворину длинное письмо, в котором вполне искренно, без обиняков написал, в чем общество главным образом обвиняет нововременцев; писал про субсидию, которую якобы «Новое время» получает от правительства и от генерального штаба французской армии, писал про каннибальцев и проч. Послал это письмо и теперь жалею, так как оно бесполезно; оно как бульканье камешка, падающего в воду».

Все эти усилия Чехова вырвать Павловского из реакционного лагеря не привели ни к чему. Слишком крепки были многолетние связи этого нововременца с Сувориным. Помимо всего прочего, ему было трудно уйти от Суворина, так как тот издавал его книжки. Чехов попытался устранить и это препятствие, дабы облегчить Павловскому его окончательный разрыв с «Новым временем». Он тотчас стал хлопотать, чтобы книжки Павловского приобрел другой издатель — И. Д. Сытин. Не забудем, что Чехов как раз тогда перестал издаваться у Суворина и предоставил издание своих сочинений другому.

Хлопоты Чехова о книгах Павловского отразились в нескольких чеховских письмах. Узнав что Сытин собирается ехать в Париж, Чехов писал своему адресату 5 мая 1899 года:

«Повидайтесь с ним, если хотите, познакомьтесь и поговорите; он простой человек. Если же Вы или он будете не в настроении говорить, то напишите мне, — и я исполню Ваше поручение, т. е. переговорю с Сытиным в конце мая, или в июне, когда он вернется из Парижа».

И снова о том же — через несколько дней:

«С Сытиным только познакомьтесь, об издании же Ваших сочинений я поговорю сам при случае. Это интересный человек. Большой, но совершенно безграмотный издатель, вышедший из народа. Сочетание энергии вместе с вялостью и чисто суворинскою бесхарактерностью. Он Вас знает».

Но и здесь хлопоты Чехова оказались ненужными: книги Павловского—«Парижские очерки», «Очерки современной Испании» и др.—по-прежнему остались в руках Суворина.

Тот «бунт» против «Нового времени», который, при сильнейшем содействии Чехова, поднял Павловский в 1898—1899 годах, не только кончился полнейшим примирением обеих сторон, но и принес Павловскому несомненную выгоду, так как в награду за свою сговорчивость, а также за верную службу он (очевидно, тогда же) стал пайщиком богатого «Нового времени» и оставался им до самых Октябрьских дней.

Об этом я узнал из краткой статьи его дочери, опубликованной в последнем выпуске английского журнала «Oxford Slavonic papers».

Дочь даже не подозревает, какую дурную услугу оказывает она памяти отца, сообщая о нем это сведение. Сделаться пайщиком мракобесной газеты после того, как сам же признал в письмах к Чехову, что она потворствует «подлым махинациям» всевозможных «изуверов и шарлатанов»!

Впрочем, здесь нас интересует не Павловский, а Чехов. Из этих писем мы впервые узнаем, как активно он отнесся к «делу Дрейфуса» и сколько потратил благородных усилий, чтобы отнять у реакционного лагеря одного из наиболее опытных и умелых литературных работников, дабы приобщить его к передовой журналистике.

Всех писем — 32. Все они в ближайшее время будут опубликованы в вышеназванном оксфордском журнале. Журнал строго научный. В последнее время в нем сотрудничают и наши ученые. Редакция журнала любезно ознакомила меня с текстами чеховских писем до появления их в английской печати. В рамках газетной статьи немыслимо, конечно, исчерпать богатое содержание всех писем. Я извлек из них лишь один эпизод, вносящий в биографию Чехова несколько новых деталей. Но не могу удержаться, чтобы не привести чеховских строк о «Чайке».

Вскоре после знаменитого провала «Чайки» Чехов писал Павловскому:

«Ну-с, шла в Петербурге моя «Чайка». Играли так скверно, что сквозь игру не видно было пьесы, и я уехал из Петербурга, не зная, что хуже — пьеса, или игра, или то и другое вместе. Говорят, что теперь играют гораздо лучше и что пьеса имеет успех». И о той же пьесе, поставленной МХАТом:

«Чайка» идет в Москве при полных сборах. Театр бывает переполнен, трудно достать билеты. Это значит: добродетель торжествует». (Письмо от 21 января 1899 г.).

Памяти Генриха Манна

В связи с десятилетием со дня смерти выдающегося немецкого писателя и общественного деятеля, пламенного борца за мир и справедливость на земле, друга Советского Союза Генриха Манна, в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся вечер, посвященный творчеству писателя. Вступительное слово сделал секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков.

С докладом о жизни и творчестве Генриха Манна выступила доцент Первого московского педагогического института иностранных языков Г. Знаменская.

На вечере присутствовали сотрудники посольства ГДР в Советском Союзе во главе с чрезвычайным и полномочным послом Р. Деллингом.

Памяти замечательного немецкого писателя был посвящен и вечер, состоявшийся в Институте мировой литературы Академии наук СССР имени А. М. Горького. После вступительного слова проф. И. Анисимова с докладом о реализме трилогии «Империя» выступил Н. Серебров. Сатиру Г. Манна посвятил доклад О. Егоров.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

А. РАСКИН

АНТОНИНА — ЧИМИТА

«Туманная
Будто бы стонет долина,
Звенит мандолина
Из дальней тайги.
Но ты, Антонина,
Стоишь, Антонина,
Глядишь, Антонина,
Не видя ни зги».
(Василий Журавлев.
«В зверосовхозе»)

«...Я опять вспоминаю,
Чимита,
Тебя вспоминаю, Чимита,
Твои вспоминаю, Чимита,
Ночные, Чимита, глаза».
(Василий Журавлев.
«Чимита»)

Рыдает долина,
Дрожит мандолина,
Верховье-низовье,
Урман да туман.
Грешу, Антонина,
Пишу, Антонина,
Спешу, Антонина,
За словом в карман
Гоняет отару
Чабан знаменитый.
Возьму я гитару
И вспомню Чимиту.
Пою без лимита,
Чимита, пойми.
Чимита, Чимита,
Чимита, Чими...
Тут зори так ясны,
Олень да марал.
Ужли я напрасно
Бумагу марал?
Не надо мне женских
Имен и фамилий,
Я сам себе буду
Василий, Василий.
Туманом, туманом
Повита тайга.
Ты дышишь, Василий?
Ты пишешь, Василий?
Ти пышешь, Василий?
Ты слышишь, Василий?
— В тайгу, где еще
Не писала нога!

РЕПЛИКИ

ПЕРЕПЛЕТ КОЛЕНКОРОВЫЙ, А ЦЕНА «ШЕЛКОВАЯ»...

СЛУЧАЙ этот произошел с одним известным нашим писателем. Отправляясь за границу, он взял несколько экземпляров нового издания своей книги с тем, чтобы подарить их иностранным друзьям. Когда же этот писатель прибыл во Францию и осмотрел выставку современной книги, ему стало неловко дарить серые, некрасиво оформленные экземпляры собственной книги. Он их привез обратно.

К сожалению, у нас все еще появляются на свет такого рода издания. Гослитиздат недавно выпустил трехтомник Бласко Ибаньеса, установив за него кругленькую цену—24 р. 50 к. Покупатель недоволен плохим переплетом и оформлением этого трехтомника, книгопродавцы вынуждены выслушивать жалобы, даже требования убрать с прилавка подобные издания.

А почему бы не возвратить трехтомник Бласко Ибаньеса Гослитиздату для переделки? Ведь пройдет два-три года, и он должен будет пойти на списание, в макулатуру. Да и сейчас его ни подарить, ни поставить в книжный шкаф в ряд с хорошими книгами, — кому охота портить свою библиотеку!

А вот перед нами только что вышедшая в Детгизе книжка Д. Мамсурова «Журавль Бип-бип». В книге 36 страниц, тираж ее 300 тысяч, выпущена она, как написано на обложке, «для старшего дошкольного и младшего школьного возраста» (конечно, можно было сказать это проще: «для детей от 6 до 8 лет», но не в этом суть дела). Эта детская книжка стоит 3 р. 90 к. В чем дело? Почему так дорого?

Тем же Гослитиздатом в 1955 году была выпущена книга Келлермана «Девятое ноября. Пляска смерти». Стоила она в лидериновом переплете 15 р. 90 к. Недавно при переиздании этой книги ухудшилось качество ее оформления, напечатана она на бумаге худшего качества, переплет дан коленкоровый, а цена на книгу установлена «шелковая» — на 7 р. 60 к. выше прежней. Теперь эта книга стоит 23 р. 50 к.

Книга Кронина «Звезды смотрят вниз» в Москве стоила 13 р. 20 к., а в Челябинске 21 р. 20 к. Откуда такая пестрота цен? Очевидно, от хаоса, который существует в издательствах при ценообразовании книги.

На прилавках магазинов появляются новые, все более совершенные вещи: часы, телевизоры, обувь... А вот новых хороших изданий книг очень мало. Пришла пора подтянуть качество выпуска книги до уровня современной полиграфической техники, сделать книги более красивыми и менее дорогими по цене. И чем скорее это будет сделано, тем довольнее будет массовый покупатель-книголюб.

Ю. МОТРОХИН,
директор Московской книжной лавки писателей

ВЕЛИКИЕ, ВЫДАЮЩИЕСЯ И КРУПНЫЕ

УЧИТЕЛЬ вызвал Сашу Родионова:

— Каких ты знаешь великих русских художников? Саша учился хорошо и всегда отвечал уверенно:

— Великие художники: Иванов, Суриков, Репин.

— Только трое? — удивился учитель.

— Ну, а Левитан?

— Левитан — выдающийся художник, а не великий.

— А о таком художнике — Айвазовском ты слышал?

— Конечно, только он — знаменитый.

— Тогда, может, ты вспомнишь о Федотове? Какие он нарисовал картины?

— Федотов — известный художник. Я знаю его «Утро чиновника».

— А картина «Утро в сосновом лесу»— чья?

— Шишкина.

— Что же ты о нем забыл?

— А он тоже не великий художник, а самый простой, даже не знаменитый и не выдающийся.

— Чепуху какую-то городишь, — Сергей Николаевич нервно поднялся со стула. — Где ты вычитал о таком разделении художников? Я, по-моему, вам ничего подобного не говорил.

— Так на почтовых марках написано. Хотите, покажу? — И Саша быстро извлек из портфеля пухлый альбом.

...После уроков Сергей Николаевич листал и перелистывал Сашину коллекцию. Министерство связи посвятило марки писателям, художникам, скульпторам, артистам, государственным деятелям, путешественникам. Но странная вещь: в честь кого бы они ни выпускались, всех этих людей связисты непременно подразделяли на великих, выдающихся, знаменитых, крупных и всяких иных. Оказалось, что в знаках почтовой оплаты все разложено строго по полочкам. Вот, например, как расклассифицирована дружная семья композиторов. Глинка, Гайдн, Григ, Римский-Корсаков, Чайковский — великие, Алябьев, Калинников, Рубинштейн — выдающиеся, Лядов — известный, Балакирев — просто композитор.

Своя классификация и среди ученых: Лобачевский, Эйлер — великие, Линней, Торричелли, Циолковский — выдающиеся, Семенов-Тян-Шанский — крупный, Гумбольдт — просто естествоиспытатель.

А вот титулы писателей. Гениальный: Белинский. Великие: Л. Толстой, Горький, Пушкин, Достоевский. Выдающиеся: А. Н. Толстой, Блок, Есенин, Г. Успенский, Короленко, Мамин-Сибиряк. Рудаки и Махтумкули — классики. Абовян и Айни — основоположники. Одоевский — замечательный. Маяковский — талантливейший. Новиков-Прибой и Николай Островский — известные. Лесков, Чехов, Жуковский — просто писатели и поэты.

Одним словом, коллекция марок превратилась в своего рода табель о рангах.

Иные скажут: а как же Большая Советская Энциклопедия? Как же отрывной и настольный календари? Ведь не только на почтовых марках существует подобное подразделение на великих, выдающихся, известных и крупных. Совершенно верно. Но почтовая марка — самое маленькое. Давайте начнем с малого!

Ил. ОКУНЕВ

ВЫШЛИ В СВЕТ...

КНИГИ О ДРАМАТУРГИИ, ТЕАТРЕ, КИНО

Авенариус Г. Чарльз Спенсер Чаплин. Очерк раннего периода творчества. Вступительная статья Р. Юренева. Издательство Академии наук СССР. 266 стр. 30 000 экз. 18 руб. 50 коп.

Всеволодский-Гернгросс В. Русская устная народная драма. Издательство Академии наук СССР. 136 стр. 1 600 экз. 6 руб. 60 коп.

Ершов П. Технология актерского искусства. Очерки. Издание Всероссийского театрального общества. 308 стр. 5 000 экз. 15 руб.

Жуве Л. Мысли о театре. Перевод с французского Е. Якушкиной. Предисловие К. Шохина. Издательство иностранной литературы. 298 стр. 9 руб. 75 коп.

Лукерченко М. Самодеятельный рабочий театр. Оренбургское книжное издательство. 28 стр. 2 000 экз. 25 коп.

Новский Л. Народные самодеятельные театры. «Молодая гвардия». 30 стр. 8 000 экз. 40 коп.

Рославлева Н. Английский балет. Музгиз. 170 стр. 5 000 экз. 9 руб. 70 коп.

Скарская Н. и Гайдебуров П. На сцене и в жизни. Страницы автобиографии. Вступительная статья С. Дрейдена. «Искусство». 308 стр. 8 000 экз. 19 руб. 75 коп.

Туровская М. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. 1868—1959. «Искусство». 245 стр. (Мастера театра. Монографии). 7 500 экз. 12 руб. 60 коп.

Узбекская драматургия. В 3-х томах. Перевод с узбекского. Т. III. Послесловие Х. Абдусаматова. Ташкент. Гослитиздат Узбекской ССР. 547 стр. 5 000 экз. 20 руб. 55 коп.

ВОТ ОНА, ЯКУТИЯ

Вот и день прошел! Пора и на покой. В детском саду колхоза «Турвагургын» ребята готовятся ко сну. У них были свои хлопоты, свои заботы, и день, конечно же, был хорош. А завтра опять взойдет солнце, придет новый день, новые заботы, новые радости... Спокойной ночи и доброго утра, ребята!

Н. ПОГОДИН

Сегодня мы публикуем отрывок из новой пьесы Николая Погодина «Цветы живые», рассказывающей о бригадах коммунистического труда. В центре пьесы — образ руководителя этой бригады, молодого рабочего Николая Бурятова. Пьеса принята к постановке Московским Художественным академическим театром Союза ССР имени М. Горького (режиссер В. Станицын) и Московским театром имени Ленинского комсомола (режиссер Б. Толмазов).

Картина первая

Старинный домик с верандочкой южнорусского типа. Вокруг множество цветов. Тополя. Час предвечерний светлого летнего дня.

Серафима. Николай.

Серафима (*после молчания и ехидных взглядов*). Как? Не вышло? Коля, а Коля... товарищ Бурятов, я у вас спрашиваю, не вышло?

Николай (*весьма приятно и непонимающе*). А что не вышло-то?

Серафима. То, что было задумано... загадано.

Николай (*почти по-детски*). Загадано... Смешно как выражаетесь. Люблю подхватывать смешные выражения. Загадано. Пошутите еще. Как-то радостно, когда вы так шутите.

Серафима. Ох, вкрадчивый... Я Алке говорю: таких бояться надо. Но это — особо. Все же видно, что не вышло... И спрашивать не надо.

Николай. Если серьезно... то, конечно, не вышло. С нового года мечтал я справить себе летний костюмчик по моде. Брючки снились, как струны... пиджачок, как у солнечного клоуна... и моя сберкнижка дала течь. Не вышло, Серафима Никитична, не вышло. Смешно?

Серафима. Не зря вы клоуна сюда приплели, Коленька... Я Алке говорю: не верь... я-то отлично понимаю эти шуточки, эти ваши улыбочки. У вас главное дело жизни не вышло... ваша бригада... как ее там называют?.. Коммунистическая?

Николай. Да, коммунистическая.

Серафима. Она под откос летит... а вы «Идиота» играете.

Николай. Это тот, что на экране под ненормального работал?

Серафима. С ума сойти с таким человеком! Я Алке всегда говорю... (*и осеклась*).

Николай (*быстро, пристально*). Что говорите? (*Молчание.*) Неужели про меня можно сказать что-то занимательное?

Серафима. Такие, как вы, еще в библии были.

Николай. Чего не читал, того не читал.

Серафима (*певуче*). Не вышло, Николай Бурятов... хоть и газеты, и радио... Не вышло.

Николай. Серафима Никитична, перевернем страницу. (*Делается строже.*) Могу оставить автограф: не вышло... главное дело жизни и все такое... Перевернем страницу. Начнем с вас. Это правда, что вы религией занимаетесь?

Серафима (*автоматически с усмешкой*). Религия — дурман для народа.

Николай. Я лично считаю, что религия — кошмар для народа. Но когда мне говорят, что вы религией занимаетесь, я как-то теряюсь.

Серафима (*легко*). Ребенок, почему?

Николай. Вот как раз... как раз хочу сказать вам, как ребенок,— у вас глаза...

Серафима. Как бирюза. Знаю. Дальше.

Николай. Нет, действительно. С такими глазами из человека можно сделать мумию. И руки ваши... тело также, вообще.

Серафима. Он, как ребенок... хватит. К чему это?

Николай. К тому, что религия... я не знаю... там ведь дух какой-то.

Серафима (*наставительно*). Молодой человек, запишите в свои тетрадки, что дух к телу никакого отношения не имеет. Дух сам по себе, тело само по себе. Я Алке это всегда говорю.

Николай (*думающе и с болью*). Откуда вы взялись?

Серафима. Это что за нахальство?!

Николай. Молчу.

Серафима. Я дальняя родственница Григорию Григорьевичу.

Николай. Дальняя... дальнейшая.

Серафима. Опять нахальство.

Николай. Молчу.

Серафима (*вдумываясь*). Что значит «дальнейшая»?

Николай. Да, так... болтаю, сам не знаю что.

Серафима. Ой ли, ребенок?

Николай (*мягко, покорно*). Многого не замечаю, что надо замечать, не улавливаю... Жаль. Так и не уловил, когда вы в этом доме сделались дальнейшей родственницей.

Серафима (*пронзительно*). А какое вам дело?

Николай (*точно и не заметил силы вопроса*). Для разговора... сочиняю... ожидание настраивает.

Серафима. Я никого не жду.

Николай. А я жду... Аллочку.

Серафима (*с усмешкой*). В Ленинград уезжаете?

Николай (*чуть не вздрогнул*). Кто вам сказал?

Серафима. Она же.

Николай (*внутренне поражен*). Вон какая у вас дружба!

Серафима. А вы действительно... не того.

Николай. Не уловил... думал о другом.

Серафима. Я в Аллочке души не чаю.

Николай. А душа у вас тоже отдельно от этого... от организма.

Серафима (*мягко*). Ах, Коля, ну что вы понимаете... душа! Это вот я могу читать душу человека. Вы — нет. Не потому, что молодой, а потому, что такой азбуки не проходили. Я могу дальше сказать... для вас специально. Почему у вас не вышло?.. Вы же страдаете от этого... А потому не вышло, что вы не знаете даже, каким ключом открывается собственная душа. А лезете... куда?! Почти что на небо. Бригады коммунистического труда... молись, и только. У меня нет бригад, зато есть души людские... И отчего они ко мне льнут, этого вам не понять.

Николай (*угрюмо, с ненавистью*). Серафима, я тебе Аллочку не отдам.

Серафима (*почти так же, но с улыбкой*). Поздно спохватился.

Николай. Это точно, поздно.

Серафима. То-то.

Николай. Дурак... считал, что там любовь. А это ты... Ты что-то подозрительное. Ты... это, должно быть, опасно.

Серафима. Не бойся, не кусаюсь.

Николай (*в раздумье*). В самом крайнем случае я тебя убью... и сам погибну. Иначе не выйдет. Не дам, не дам...

Серафима. Вот хорошо... убей. Хоть здесь, возьми и задуши.

Николай (*отстраняясь*). Какая ты...

Серафима. Нехорошая, бессовестная, малосознательная... (*Смех.*) Дурачок, не тебе воевать со мной за Аллочку, Тюря.

Николай. Да, такое у меня впервые! Но ты смотри! Тюря — пиша наша, крестьянская.

Серафима. Позволь напоследок сказать тебе дружелюбное слово. Ты хочешь Аллочку вернуть в свои объятья,— ты ее вернешь. Живи нормально. Незаметно живи... вот ее мечта. И мне противно, когда ты начинаешь читать свои...

Николай. Тебе...

Серафима. Не нравится? Ничего не поделаешь.

Николай. Все понятно.

Серафима. Ничего тебе не понятно. Ты все свои глупости уж не записывай, пожалуйста, на Серафиму. Нашел злодейку. Ты подумай, чего ты наделал людям, которые тебя принимали, как родного. Ты не только Аллочку потерял навеки, ты и Григория Григорьевича потерял навеки. Ты его смертельно оскорбил своим поведением.

Николай (*тяжело*). Да, Серафима Никитична, понимаю... вы не только дальнейшая, вы еще и умнейшая. Но зачем вам все это делать, зачем?!

Серафима. А это уж, действительно, детский разговор. «Мама, зачем травка растет?» Коля, зачем травка растет?

Николай (*срываясь*). Затем, чтобы коровы паслись!

Серафима. Страшно грубо.

Николай. На что же вы обиделись, не понимаю. Вы, к сожалению, походите на какой-то другой вид животного царства.

Серафима. Все-таки любопытно... вы рабочий... ну, там... морячком служили... это дела не меняет... электросварщик. А разговариваете вы начитанно.

Николай (*уходя за маску*). Какой там... пыль и зола.

Серафима. (*Улыбка, пронзительные взгляды.*) Вон как... в свою рамку входим. Ах, Аллочка шествует...

Николай (*угрюмо*). Рамка не рамка, это не важно, но Аллочка об этом разговоре никогда не узнает. Я сам с вами справлюсь.

Серафима. Эх, где мои десять лет назад! Очаровательный ты малый.

Входит Аллочка.

Аллочка. Что сие значит? Вы мило разговариваете... как близкие.

Николай. Я впервые узнал, что за человек Серафима Никитична.

Аллочка. И что она за человек?

Николай. Я ей сказал... она согласна.

Аллочка. Серафима, ты согласна?

Серафима. Представь себе, вполне.

Аллочка. И что же он сказал?

Серафима. Могут же быть у меня тайны с мужчиной.

Аллочка (*лениво и безразлично*). Ты считаешь, что он — мужчина?

Серафима. Представь себе — да.

Аллочка. С неба звездочка упала... очень интересно. Вечерять будем или отца подождем?

Серафима. Лучше его подождем.

Аллочка (*странно серьезно*). Ну, мужчина, проводи политчас.

Николай (*хмуро*). Я тебе очень мешаю?

Аллочка. Терпимо.

Николай. Все равно не уйду.

Аллочка (*крикнув*). Тогда пой!

Николай (*очень мягко*). Можно бы... Но у вас, кажется, церковные мелодии в моде, а я не умею.

Серафима (*насмешливо*). Молодой человек, знайте, что церковные мелодии поются в церкви, а дома мы поем, что хотим... не то, что у вас.

Аллочка. Вот, вот, вот!

Николай (*сурово*). Что «вот, вот»?

Аллочка (*с неприязнью, готовясь сказать многое*). А то, что ты... Не хочу тратить нервы. Хорошо! Ты — одержимый... Но я-то не одержимая... Мне наплевать на твои... Скажи, ты можешь вообразить, что, кроме твоих бригад коммунистических, по небу летают нормальные птицы и плывут облака?

Николай (*охотно и простовато*). Могу, и самолеты могу вообразить. Ракеты... спутники.

Серафима. Алка, никогда не говори, что он глупый. Хотела бы я быть такой глупой.

Аллочка. Может быть, он тебе нравится? Скажите... кольца закажу.

Серафима. К сожалению, немного переросла.

Николай (*с откровенной простоватостью*). Вот бы и шутили... и я мог бы вас позабавить. А то придираются.

Аллочка. А ты меня и так давно забавляешь.

Серафима (*с удовольствием*). Алка, что с тобою сегодня?

Аллочка (*звонко, враждебно*). Шутить не намерена. Вот и все.

Серафима. Могу оставить вас наедине.

Аллочка. Вдвоем с ним помрешь с тоски.

Серафима (*насмешливо*). Коля, пришло время обижаться.

Николай. На кого — не знаю.

Серафима. Не на меня же.

Николай. А я по наивности считал, что надо на вас.

Аллочка (*сообразив*). Ишь ты... Ты еще считаешь, что я, несчастная, нахожусь под чужим влиянием. Сама — ничто. Глина. Но попала не в твои руки.

Николай (*искренне, мягко*). Аллочка, я ничего не считаю... Я во всем заблуждаюсь, честно говоря.

Аллочка (*грубо, напористо*). Врешь бессовестно. Ты считаешь, что я торговка... ничем не живу, опустилась, отупела... Вот как ты считаешь. У меня нездоровые переживания на почве личной травмы. Ну что ж, правильно... нездоровые. Хотела выпить каустик, отец выследил, это всем известно. Была малютка, верила в прекрасную любовь... а теперь остались одни нездоровые переживания. И отлично без тебя знаю: старо, бездарно. Но я прошу, оставь меня в покое, не спасай. Я, между прочим, не тону. Давай договоримся раз и навсегда на ту тему, что я живу прекрасно без вашей прекрасной любви... прекрасно, на мой тусклый взгляд. На твой светлый взгляд, я подонок. Боже, знаю! Но учти, что люди с тусклыми взглядами тоже имеют право на существование... (*нервозно*). Ты что сказать хочешь?

Николай (*опять-таки простовато*). Да я так... подумал. Тусклый... это, как бы сказать, материя сложная... А глаза у тебя на самом деле занятные. Иной раз смотришь, и кажется, что они срисованы с чужого портрета и тебе вправлены... бумажные глаза.

Серафима. Алка, я боюсь этого человека.

Аллочка. Он доиграется до того, что я его выгоню.

Серафима. Аллочка, можно мне ему вопрос задать насчет ваших отношений?

Аллочка. Пожалуйста.

Серафима. Коленька, чего вы добиваетесь?

Николай. Аллочка знает.

Серафима. Но я не знаю.

Николай. А вам и знать не надо.

Серафима. Любви вы добиваетесь. Любви не будет. Даже со стороны видно, как вы действуете на нервы Аллочке...

Аллочка. Серафима, прекрати.

Серафима (*изумлена*). Ах, «прекрати»!

Аллочка. Да, прекрати. (*Просто и мирно.*) Коля, ты меня презираешь, что я живу деньгами... ушла в рубль. Да, ушла. Не отрицаю. Но рубль... это, по крайней мере, реально. Это жизнь. Я люблю красивую обувь, я люблю... да мало ли чего ни любит человек. Сиди и жди, когда оно с неба свалится.

(Окончание на 4-й стр.)

Лион — героический центр французского Сопротивления.

Господин ХРУЩЕВ,
СЛЕДУЙТЕ ЗА ГИДОМ ПО СТРАНЕ,
где каждый уличный мальчишка — двоюродный брат Гавроша

Андре ВЮРМСЕР

КОНЕЧНО, это всего лишь сон. Ночью я оказался переодетым в синюю униформу. На моей сверкающей фуражке золотыми буквами написано: «Переводчик». О чудо! Я говорил по-русски, хотя не изучал этого языка! Я стоял во весь рост в открытом автомобиле, а рядом со мною, лукаво улыбаясь и раскланиваясь во все стороны, сидел необыкновенно реальный, необыкновенно живой человек, и народ приветствовал этого человека именно за его чувство реального, за верное ощущение жизни, за его хорошее, доброжелательное настроение, наконец, за его здравый смысл. То был отнюдь не какой-нибудь король, или великан, или бог, каких мы видим во сне или в еженедельных журналах. То был человек, настоящий человек...

Почтительно приподняв свою нарядную фуражку, я сказал:

— Господин Председатель! Добро пожаловать в эту страну, которую так любят у вас на родине, в страну, где у рабочих за плечами два столетия индустриализации и четыре революции, где кустарь, сам того не подозревая, — истинный художник, где любой уличный мальчишка — двоюродный брат Гавроша. Вместе с тем это страна, чья литература, живопись и музыка украсили всю новую историю длинной и непрерывной галереей шедевров. Страна, имеющая застарелые недостатки, которые она не любит признавать. Но есть у нее и вечные достоинства и добродетели. Анри Мартэн, довольно скучный историк, весьма далекий от ваших идей, как-то сказал, что француз, хорошо знающий историю своей страны, не станет отчаиваться и в горестные дни.

Господин Председатель Нового Мира! Добро пожаловать! Вот Орли! Великолепная автострада, проходящая прямо под взлетно-посадочной полосой, на которой приземлился ваш самолет, — шедевр французской техники, созданный нашими инженерами, нашими рабочими. То же могу сказать и о Танкарвильском мосте — самом длинном в Европе. Вы увидите и его. Между прочим, по случаю вашего приезда строителям дали день отдыха, и, скажу вам по секрету, это сделано не столько из уважения к вам, сколько из стремления отдалить их от вас. Против лишнего свободного дня они, конечно, возражать не стали. Но вместе с товарищами они будут скандировать: «Да здравствует СССР! Да здравствует мир!»

Вы остановитесь на Кэ д'Орсе, в здании нашего министерства иностранных дел. Как-то Людовик XIV принимал в Версале одного восточного посла. Король спросил у гостя, что его больше всего поражает в этом дворце. «То, что я нахожусь в нем»,— ответил тот. Разве не столь же удивительно, господин Председатель, видеть здесь вас? Ведь мы помним: всего лишь несколько лет назад обитатели этого дома, едва услышав слова «Советский Союз», начинали буквально биться в истерике. Главным итогом вашего визита будет то, что он поможет людям измерить расстояние, уже пройденное по пути к миру. Это в высшей степени полезный визит!

Мы двинулись дальше. У Триумфальной арки гость возложил венок на плиту, где горит вечное пламя. Вдруг плита поднялась, и из-под нее вышел один из миллиона семисот тысяч французов, убитых в первую мировую войну. На нем была голубая шинель и каска. Он не держал в руках листка с текстом официальной речи.

«Наконец-то вы пришли, — сказал он. — Давно пора! В мое время мало кто понимал, почему возникают войны. Теперь таких людей много... Люди только хотели, чтобы больше не было войн. Говорили: «Война — войне!». Повторяли: «Никогда больше!». И эти же чаяния выразил Ленин в Октябре. То же говорите сегодня и вы.

До чего же разъярились бы ребята, если бы им сказали, что Германия будет перевооружена соотечественниками Першинга, соотечественниками Клемансо! По вине тех, кто вооружил Германию, моему сыну пришлось драться в маки. А у меня над головой раздавался топот нацистских сапог... Но вот, наконец, вы здесь. Спасибо, что приехали! Благодарю вас от имени всех, кто умер, от имени всех, кто, быть может, останется в живых!»

А вот Мон-Валерьен. На этом холме, у стен этой крепости, были расстреляны французы, которых нацисты не сумели подкупить, которых не сломили пытки. Многие из них были коммунистами. Войдем в этот узкий зал. В ночь перед казнью эти герои и мученики оставили на стене свое последнее послание. Читайте: «Да здравствует Франция! Да здравствует СССР!» Теперь, как видите, эта священная надпись защищена стеклом... Они погибли за мир и за свою родину, за дружбу между нашими народами. Мы оба глубоко взволнованы, господин Председатель, и кажется, сама кровь, что пропитала эту землю, говорит: «Товарищ... дорогой товарищ!..»

Но вернемся в Париж. Вот здание городской ратуши. Мне известно, что жители этого квартала провели сбор денег, чтобы преподнести вам старинные эстампы, изображающие эту площадь, которая была и остается сердцем Парижа. Именно здесь, в обстановке всенародного ликования, была провозглашена Коммуна, здесь заседал ее совет. Если посмотреть на большинство членов нашего муниципального совета, то человек поверхностный мог бы воскликнуть вслед за Расином: «Как золото могло презренным стать свинцом?», — как могло случиться, что этот очаг четырех революций превратился в оплот реакции? Дело в том, господин Председатель, и вы это, конечно, сами знаете, что развитие промышленности привело к тому, что парижский пролетариат оказался на старинных пригородах. Но вслушайтесь в гул этой толпы, которая так восторженно выражает вам свою радость. Будь то парижане или «пригородники», но именно они — подлинный народ, тот, что трудится и борется, тот, что строит и никогда не отчаивается, тот, что создает богатства сегодняшнего дня и творит будущее...

А вот и Опера, где для вас исполнят «Кармен» (в последний раз я слушал «Кармен» в Ленинграде). Там вы увидите вечерние костюмы, платья со шлейфами, жемчужные колье... Но только та толпа, которая будет ждать вас у входа в театр и шумно приветствовать на улице после окончания спектакля,— это и есть Париж!

Следуйте за гидом, господин Председатель, следуйте за гидом! Видите — над рекой нависс замок Шенонсо. Вот королевские резиденции Амбуаз и Шанбор. Доверительно сообщу вам, что владелец замка Шенонсо — глава треста, поставляющего французам одну треть потребляемого ими шоколада, Амбуаз все еще принадлежит наследникам наших прежних королей. До чего же добра республика!.. Но будем говорить о самих замках. Так же как наши соборы и дворцы, они свидетельствуют о замечательном таланте французских зодчих, о мастерстве наших рабочих прошлых столетий...

Господин Председатель, взгляните на Турень! В этой провинции родились Рабле, Ронсар и Бальзак, здесь говорят на самом чистом французском языке; это — сад Франции.

Тут я заметил, что внимание моего гостя привлечено невнятным ворчанием, едва различимым в шуме приветственных возгласов и рукоплесканий. А это, сказал я, показывая на обочину,— подленькие людишки, которым ваш приезд пришелся не по вкусу. Здесь больше епископов и кардиналов, чем в аду у Данте. Есть тут несколько «социалистических» лидеров и всяческий сброд наймитов, фанатиков и бесноватых «рыцарей» «холодной войны».

Но мой гость смотрел уже в другую сторону. Я понял, что он, человек мира и дружбы, отвернулся от этих людей, погрязших в ненависти. Я поспешил заговорить о другом.

Вот Бордо, который предложит вам отведать его знаменитые вина. Вот Лак с его современным оборудованием. Лак — центр молодой нефтяной промышленности Франции. Это, конечно, отнюдь не Баку, и у меня нет времени, чтобы объяснить вам, почему французская нефть, которая могла бы... Впрочем, вы это знаете лучше меня. Вот Марсель, его тысячелетний порт, его отважный и веселый народ. О, эта восторженность марсельцев! Стоит только подумать о ней, и на душе уже весело. Но было в Марселе и много другого, не столь веселого, сколь величественного и славного: забастовки докеров, забастовки металлистов, борьба марсельцев против лихоимства и воровства. Вы слышите, господин Председатель, могучее «виват!», доносящееся со стороны улицы Канебьер!

А вот и Лион, столица Сопротивления. В минувшем столетии лионские ткачи подняли восстание и начертали на своем знамени: «Жить работая — или умереть сражаясь!» Вот Дижон и его мэр, каноник Кир, который слывет оригиналом: ведь он горячий сторонник дружбы между Дижоном и Сталинградом, ведь он заявил, что надо положить конец «холодной войне», ибо «все знают, что ничего хорошего из нее не выйдет». Вот Верден...

Это имя все французы — даже те, кто презирает социализм и считает капитализм вечным, — обычно связывают с именем Сталинграда. Сколько людей — и я в их числе — потеряли здесь брата, или отца, или сына! Вот русское кладбище в Сент-Илер-ле-Гран. Хорошо, что вы остановились здесь, господин Председатель! Эти длинные ряды крестов напоминают о том, что дважды мы сражались вместе против одного и того же захватчика. И до каких же пределов доходит злобная и глупая пропаганда! Двенадцать лет тому назад одна вечерняя газета писала, что ваша славная армия «намеревается снова обрушиться на Бельгию и на Францию». Пусть ваше присутствие здесь, у этих могил, господин Председатель, напомнит всем о том, что вот уже более столетия наши народы ни разу не враждовали и что только за последнее сорокалетие они дважды были союзниками.

Вот Реймс, знаменитый своим собором и шампанским. Здесь Жанна д'Арк, призывавшая французов «выставить вон» захватчиков, возвела на трон короля Карла. А тот и пальцем не пошевельнул, когда ее схватили враги. Больше того, он приблизил к себе коллаборационистов. Были такие и тогда... Вот Руан и его докеры, вот заново отстроенный Кан... Он был разрушен после того, как союзники открыли, наконец, второй фронт.

Вот и Париж, ожидающий вашего возвращения.

Что за толпы! Что за крики! Как-то один вельможа сказал ребенку, которому было суждено стать бесславной памяти королем Людовиком XV: «Сир, весь этот народ ваш!» Господин Председатель, этот народ не принадлежит никому, но он **с вами** — вы слышите приветствия? — в вашей упорной и терпеливой борьбе за мир и дружбу. В вашем лице он приветствует вчерашнего союзника и завтрашний мир, ваших соратников по боям за Сталинград и те успехи, которых добилась ваша страна на земле и в небесах. Да здравствует...

В эту минуту я, как и все вокруг меня, так громко крикнул «Да здравствует Хрущев!», что проснулся. От моего крика проснулась и та, что уже столько лет (галантность не позволяет мне уточнить их число) занимает большую половину нашей брачной постели.

— Послушай, ты что — уже размечтался о поездке Хрущева?

— Да. И не я один.

«Мир и красота неотделимы», — как бы говорят прекрасные площади и улицы Парижа.

УЗЫ ДРУЖБЫ
ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВИЗИТЕ И. С. ХРУЩЕВА

Вы хотите знать, что я думаю о поездке Никиты Хрущева во Францию. Мой ответ мог бы уместиться в одном слове: наконец-то! Да и как сказать что-нибудь другое, когда вспоминаешь, какие разнообразные узы связывают Советский Союз с Францией: узы культуры — от первых стихотворений Пушкина, написанных, как известно, на французском языке, до небывалого увлечения русской литературой, охватившего Францию несколько позднее; узы крови, пролитой в двух мировых войнах; узы будущего, основа для которого заложена, с одной стороны, Парижской коммуной, с другой стороны, — Октябрьской революцией.

Можно ли ответить иначе, когда знаешь, что разногласия между нашими народами — всего-навсего плод усилий наших общих врагов, и единственное, что стоит между нами, — это интересы, чуждые нам?

Можно ли ответить иначе, когда вообще начинаешь размышлять или, даже не размышляя ни о чем, просто любишь мир, иными словами, — жизнь?

В. ПОЗНЕР

Французы знают, что русский народ стал счастливым, могущественным и миролюбивым народом. Благодаря своему труду, под водительством мудрых руководителей, он выдвинулся далеко вперед и теперь шагает во главе народов всего мира. В лице Никиты Хрущева французы будут приветствовать ту необыкновенную национальную волю и решимость, благодаря которым Советский Союз менее чем за полвека стал образцом для всех новых и замечательным примером для старых наций, стал надеждой всего человечества.

ВЕРКОР

Из французского еженедельника «Авангард»

Сегодня исполняется 60 лет со дня рождения выдающегося французского ученого-физика, пламенного борца за мир Фредерика Жолио-Кюри.

В 1958 году во время пребывания Жолио-Кюри в Москве художнику М. Бренайзену удалось выполнить несколько зарисовок ученого. Один из этих набросков с автографом Жолио-Кюри мы публикуем в нашей газете.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ПРИЯТНЫЕ ВЕСТИ ИЗ «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»

Редакция получила письмо от Эрла Юбелла, научного редактора газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Г-н Юбелл огорчен нашим толкованием его отзыва об известной кинокартине «На берегу», напечатанного в «Нью-Йорк геральд трибюн».

В заметке «Грязная игра американских атомщиков», опубликованной в «Литературной газете» 7 января, сообщалось о недостойных усилиях военных и научных деятелей США, в частности «отца водородной бомбы» — ученого-атомника Теллера и других, пытающихся оправдать возобновление испытаний термоядерного оружия. Между прочим, и статья Э. Юбелла, трактующая о том, что атомная война произойдет «не так, как показано в данной картине», рассматривалась нами как составная часть общей «атаки» американской прессы против фильма «На берегу», зовущего к предотвращению бедствия. Само заглавие статьи «Правдива ли картина «На берегу»?» и содержащийся в ней отрицательный ответ на этот вопрос вызывают чувство разочарования. Оно усиливается тем, что автор рецензии Эрл Юбелл не выразил протеста против угрозы атомной войны, против испытаний ядерного оружия, не поддержал идейную направленность фильма, а ограничился наукообразными гипотезами: «так» или «не так» произойдет уничтожение человечества.

И тем не менее нас обрадовал новый отклик Эрла Юбелла. Как он пишет, смысл его высказывания сводился к тому, что атомно-водородная война была бы... «намного более страшной, чем спокойная история, показанная на экране». Он признает, что фильм «На берегу» побуждает «мужчин и женщин поразмыслить над этой проблемой, и, может быть, даже вполне реалистически». Хотя этого ценного признания не было в статье, опубликованной «Нью-Йорк геральд трибюн», отрадно услышать его сейчас, хотя бы в личном письме г-на Юбелла «Литературной газете».

Как меняются времена! Еще совсем недавно «Нью-Йорк геральд трибюн» не проявила бы беспокойства о том, что ее подозревают в поддержке усилий оголтелых поджигателей войны — «атомщиков». Теперь один из ее редакторов спешит опровергнуть такие подозрения. И хотя он не высказывается прямо (ни в своей статье, ни в письме к нам) в защиту идеи всеобщего разоружения, запрещения испытаний и производства бомб, его волнение радует. Мы с удовлетворением принимаем разъяснения г-на Юбелла.

Цветы живые

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Словом, Коля, давай тихо-мирно подведем черту. Одни хотят жить будущим, другие хотят жить настоящим.

Николай (*иным, строгим тоном*). Линия...

Аллочка (*не расслышав*). Что?

Николай. Так... слово.

Аллочка (*по-прежнему*). А Серафиму ты не трогай... она смешная... Верует, молится... Пробовала меня учить... но это не выйдет. На том мы и поладили. Дружим крепко и на равных (*Гневно в сторону Николая.*) И она меня не спасает. В душу не лезет. (*Николай смеется.*) Ну, чему ты, чему?

Николай. Пусть Серафима скажет.

Аллочка. Серафима, скажи.

Серафима (*серьезно*). Ничего я не скажу. Но разговаривать с вами, сердешный друг, надо умючи. Кое-что лишнее сказала. Жалею.

Аллочка. Про меня, конечно... о, господи! На улице Маркса в ателье пьяницы портреты рисуют, пойти срисоваться, что ли... Может быть, я какая-нибудь Мария Стюарт... (*Без перехода.*) Ты зачем в Ленинград?

Николай. Соскучился. Я там срок военной службы провел.

Аллочка. Может быть, девочка осталась?

Николай. Они к подводникам были неравнодушны.

Аллочка. Вот бы нам познакомиться, когда ты был подводником.

Николай. Мне пора.

Аллочка (*взрыв*). Знаем мы, зачем ты в Ленинград едешь. Отец сказал. Не клеится ваш ансамбль. И, пожалуйста, без жестов! Некрасиво выразилась. Правильно. А вы красиво с моим отцом поступаете? Он ваш завод своими руками строил, а вы теперь его учите, как надо работать... мало того, вы еще учите его, как надо жить. Кто вы такие? Кто ты такой? Скажи.

Николай. Решила ссориться — ссорься. С отцом мы сами разберемся.

Аллочка. Не выйдет. Далеко зашло.

Николай (*доля запальчивости*). Он культа хочет, привык... культа не будет.

Аллочка. Ты после этого негодяй.

Серафима. Аллочка, человека оскорблять не надо.

Аллочка. Мой отец, если ты знать желаешь, из Кольки сделал заводского человека... о квалификации говорить не хочу. И этот негодяй оскорбляет старика

Серафима (*изумлена*). Какого старика?! Хотела бы я быть такой старухой.

Николай. Аллочка, я способен простить тебе многие твои выходки, но этого прощать не буду.

Аллочка. Чего этого?

Николай. Ты и отца против меня настроила... фронт сколачиваешь... Эх, ты. Совесть у тебя чем-то помарана. Маленькое с большим путаешь.

Аллочка. А я плевать хотела на твое «прощу» и «не прощу».

Серафима (*тонко, почти ласково*). И как вы переносите, Коля! Меня со стороны и то в дрожь бросает.

Входит Толя, за ним Васька.

Николай. Анатолий, тебе что?

Толя. Ты на поезд опоздаешь... вот что.

Николай. А он — кто?

Васька (*шикарно*). Он это — я, Василий Крякин. Вам это имя ничего не говорит? Видно, не пользуетесь такси... Короче, я способен превратить мой аппарат в ракету, но до отхода ленинградского восемь с четвертью минут

Николай (*стремительно уходит и шепотом Серафиме*). Помни, что я сказал. Не отдам.

Все трое ушли.

Аллочка (*до дрожи*). Что он сказал? Серафима, что он тебе сказал?

Серафима. Хулиганское выражение.

Аллочка (*напряженно, с болью*). Ты врешь, он неспособен. Он сказал что-то важное.

Серафима (*будто не слышит и говорит буднично, бесстрастно*). Я тебе говорила: таких бояться надо. Вкрадчивый... под наивного работает... старо, как мир. А ты его и не волнуешь... Деловая обеспеченная жена, домик, вот что его волнует... О господи, денек прошел, смеркается. Цветы сегодня остаются неполитые. Отец что-то опаздывает. Полью сама.

Аллочка (*с ужасом*). Как люди не любят друг друга.

Серафима (*как прежде*). Святые слова. Я это всегда говорю тебе. Вот цветы... люби, молись. Недаром отец их разводит.

Аллочка. Они мертвые

Серафима. Нет, они живые.

Аллочка. Ну что ты мелешь... они же холодные, как земля. Они не знают нашей с тобой жизни. Я хочу живых цветов... (*Жалоба.*) Так мне мечталось прижать к груди живое сердце... Что такое со мной делается? Чувствую, что меня делят... Кто меня делит между собой, как поллитровку на двоих?

Серафима. Никто тебя не делит... не надрывайся.

Аллочка (*продолжает*). Коленька... Бурятов... вкрадчивый... это точно. Серафима, дай мне чего-нибудь... а то я плакать буду.

Серафима. Я отцу принесла... налить?

Аллочка (*борясь и успокаиваясь*). Не надо. С пяти лет отец прививал не хныкать. Пусть тебе до черта больно — молчи. Закурим? Впрочем, ты же христианка. (*Закурила.*) Ароматные... Ухаживал бы, как другие... Пошли бы в ресторан... потанцевали... А то не пьет, не курит. Удавиться можно с этим режимом. Но не в этом дело.

Серафима. Не любишь ты его — и все.

Аллочка. Я это чувство ногами вытоптала. Конец. Даю слово никогда не затевать этот безнадежный разговор. Ну и тоска.

Серафима (*озабоченно, строго*). И не смей ты обострять с ним отношения. Пока он ходит в дом,— будет сносить, улыбаться. Но как только вы окончательно порвете, — не простит. Обиженные мстят, учти. Ох, эти слишком передовые мальчики! Он подведет тебе политику. На целине от него не скроешься.

Аллочка. Даю слово... ты права. Конец, конец. Пойдем в кино.

Серафима. Не могу, родная... У нас в храме вечером будет заседание церковного совета.

Аллочка. Скажи, пожалуйста...

Серафима. Демократия.

Входит Родин.

Аллочка (*на его слова, которых не слышно*). Что ты буркнул, папаша? Мы ничего не расслышали.

Родин (*раздраженно, мрачно*). Я не буркнул, а ясно сказал: «Добрый вечер».

Аллочка. Что с тобою? Я тебя давно таким не видела.

Родин. Спать пойду.

Серафима (*лукаво и насмешливо*). Рановато. Птички еще спать не ложились. Чирикают.

Родин (*с обычной в его тоне иронией*). Птички... чирикают. Они кругом эти птички... и чирикают. Алка, купи отцу водки и прости за это поручение. Я промотался... денег нет.

Аллочка. Серафима для тебя купила.

Родин. Это зачем?!

Аллочка. Я тоже удивляюсь.

Серафима (*как прежде*). Женить вас хочу на себе, Григорий Григорьевич... наши родственные отношения это позволяют. Ищу способа понравиться.

Аллочка. Серафима, это противно.

Родин. Не болтайте... и так уж.

Серафима (*устроивши на столе, что нужно*). Я тоже с вами стаканчик... во здравие.

Родин (*философически*). Притесняется это в нашем обществе. «Не пей, человек». А он пьет. Почему? Постоянство. И те, которые требуют, до чрезвычайности уверены, что они человека переломили. Но перевоспитывать надо ровно столько же, сколько воспитывать. Старую краску обдирать гораздо труднее, чем новую положить. Но те, которые чирикают, они на это скажут: ошибочно рассуждаете, товарищ. Теперь, оказывается, тридцать лет не так работал, а ошибочно.

Аллочка (*как от чего-то тяжелого*). Отец, оставь эту тему.

Серафима (*весело*). Пусть говорит.

Родин (*с паузами, тяжело, медленно*). Телевидение сегодня приезжало... Фонарей навезли, в цехе не пройти.

Аллочка. К кому приезжало? К ним?

Родин. А то к нам.

Аллочка. А Колька у нас сидел... ничего не сказал.

Родин (*недружелюбно*). Еще бы... он скромный.

Серафима. А то... до ужаса.

Родин. Со мною старые рабочие стояли в стороне... разговаривали. Мне Егорушкин заметил: «Гриша, каким же мы с тобой трудом тридцать лет занимались, капиталистическим, что ли?.. Мы же делали то же самое, что они».

Аллочка. Я решила выставить Кольку из дому раз и навсегда. Надоело.

Родин. Напрасно.

Серафима. Вас не поймешь.

Родин. Лучшего супруга Алке не найти.

Аллочка. Люблю отцов, которые точно знают, какой муж нужен их дочери.

Родин (*настоятельно, властно*). Желал и желаю видеть Бурятова Николая зятем в доме.

Аллочка (*с насмешкой*). А я не возражаю. Пропиши в качестве своего зятя... Мне ничего не стоит в другом месте комнату снять.

Родин. Резкая ты стала, неузнаваемая...

Аллочка. Он говорит, что ты культа хочешь.

Родин. Какого культа?

Аллочка. Какого... личности.

Родин (*усмехнувшись*). Это по малолетству.

Серафима. Вас не поймешь. А то говорили, что он вас оскорбил...

Родин. Ты думаешь, я никого не оскорблял? Ого. Характер тоже не приведи бог.

Серафима (*откровенное заискивание*). Ликом хмур, речью отрывист, мыслями прям до страха, а сердце — детское.

Аллочка (*пристально*). Ты в самом деле отца на себе женить собираешься.

Серафима. Собираюсь.

Родин (*гневно*). Прекратите, наконец! (*Горечь.*) Жалко мне Кольку. Телевидение-елевидение, это — политика на каждый день. А он душу тратит. В Ленинград поехал за опытом... горе.

Серафима. Он сам признался мне здесь: не вышло.

Родин. Я его, как сына, берег, как сына, вел, а он от меня начал скрываться. Хочу заделаться гением... и не вышло. (*Бушует.*) Да чему там выходить-то?! Я только двух типов вам сейчас обрисую, и вы все поймете.

Аллочка. Неинтересно, отец.

Серафима. Пусть говорит.

Родин. Ты, Алла, с Доном Карлосом знакома?

Аллочка. Вот еще... Какой еще Дон Карлос?

Серафима. Театр или роман... точно не помню.

Родин (*веселая ирония*). Театр... На физиономию посмотришь и все поймешь. Хулиган чистой воды. Но артист немыслимый. Зовут его Карп, и в паспорте числится Карпом, но он подчищает букву «пы» на букву «эль», и тогда уже получается в паспорте не Карп, а Карл. Видите? А кто-то в цеху ему приладил какого-то Карлоса... из театра. И привилось. Идем дальше. Возьмем Ланцова Максима... семиразрядник. Меньше полутора тысяч у него никогда не выходит в месяц. Человеку под сорок. Какой ему интерес с мальчиками вязаться. Мы знаем, какой интерес. Ланцов коммунизма захотел. Квартиру он захотел получить вне очереди. А Николай им свято верит. Сам виноват. Заделался гением, помучайся...

Аллочка (*с тоской, с упреком кому-то*). Жили, жили... худо-бедно существовали... ни от кого не зависели, ничего сверхъестественного не совершали, не выясняли. И в жизнь вошел какой-то идиотский бред. Думать не желаю! Уходим, Серафима. Ты в храм, я — на танцы пойду. Выберу самого дикого парня, и он у меня будет крутиться до тех пор, пока скорую помощь не вызовут. (*Уходят.*)

Родин. Скушно мне, молодежь...

Серафима (*тихо*). Знаю, знаю... (*Ушли*).

Родин. Лихая баба... и святость у нее тоже лихая. Ей бы цыганкой на свете служить. Ну так что же? Люблю цветы. Их кто-то уж без меня полил. Старый ты, черт... а неугомонный. Мне бы эту бригаду... Я бы... Ты бы... Ничего я не обижен, ничего не оскорблен. Завидую... кому, чему? Им... молодости... Вот где гвоздь, Гриша... и молчи.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8.99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8.59-17, внутренней жизни — К 4.08-05, международной жизни — К 4.03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4.08-69, писем — В 1.15.23, издательство — К 4.11-68. Коммутатор — К 5-00.00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 02467